ЛУЧШЕ ВЫЙДУ ЗА ХУЛИГАНА!

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

АВТОР: МАРИЯ БЛИНОВА

Мария Блинова

Лучше выйду за хулигана!

«Автор»
2026

Блинова М.

Лучше выйду за хулигана! / М. Блинова — «Автор», 2026

Мариэль Майрус три года не опоздала ни на одну пару, по вторникам и четвергам ходит «на французский», о котором мама знает не всё, и никогда не верит Элиану Верне. Он хулиган из спального района, работает по ночам на складе и флиртует с ней так легко, будто это ничего не стоит, — пока она не верит, ему не больно.Их сводит зимняя ночь в обезьяннике: она уложила в сугроб пьяного мужика на остановке, он катал друга в тележке из гипермаркета по ночному проспекту. Протокол уходит в институт, декан предлагает сделку, и отличнице приходится вытаскивать того, кого мама велела обходить за километр.Панельки, дым ТЭЦ, электричка сквозь метель и дом, где любовь выдают за оценки. Чем теплее Мариэль на чужой тесной кухне, тем труднее возвращаться туда, где за всю ночь её отсутствия никто не заметил.

© Блинова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Пачка сигарет 6
Глава 2. Это так архаично 13
Глава 3. Как тебя покорить 19
Глава 4. Первый снег 26
Глава 5. Чужая кухня 33
Глава 6. Старое кино 43
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Лучше выйду за хулигана!

От автора

Возможно, имена героев покажутся вам непривычными для этих улиц. Это мой выбор: у русских имён слишком много чужих историй, а мне хотелось, чтобы у Мариэль и Элиана была только своя. Они пришли ко мне из старых черновиков и остались.

Я писала живых людей, с их бедами, маленькими радостями и правом выбирать, даже когда выбирать почти не из чего. Писать о жизни, в которой им досталось столько, было больно. Но мне было важно пройти с ними этот путь до конца.

Надеюсь, эта история вам понравится и, может быть, даст то, чего вам сейчас не хватает.

Глава 1. Пачка сигарет

Двести седьмой опаздывал на двадцать минут, и Мариэль Майрус уже всерьёз подумывала, не отомстить ли ему, когда он всё-таки придёт.

Мороз стоял такой, что воздух звенел. Над крышами панелек висел дым ТЭЦ, тяжёлый и розовый от фонарей, и казалось, что город медленно варится в собственном пару. Мариэль притоптывала ботинками по утоптанному снегу и прятала подбородок в шарф. Сумка оттягивала плечо: сверху тетрадь по французскому, под ней перчатки для бокса, ещё влажные изнутри.

Для мамы по вторникам и четвергам у неё был французский. Для тренера Марка, хмурого человека со сломанным носом, это была «твоя лучшая серия за месяц, Майрус, только локоть не опускай». Для самой Мариэль это были два часа в неделю, когда никто не спрашивал её про оценки.

На остановке, кроме неё, стояла девочка лет семнадцати в слишком лёгкой куртке и с наушниками, а у ларька «Продукты 24» двое мужиков в одинаковых чёрных пуховиках громко и с удовольствием выясняли, кто кого уважает.

Мариэль отметила их краем глаза так, как её учили с детства. *Не смотри. Не встревай. Обходи.* Мать говорила это таким тоном, будто весь мир за пределами их квартиры был одной большой плохой компанией.

Потом один из пуховиков отлепился от ларька и пошёл к остановке. Не к Мариэль, к девочке.

— Девушка, а девушка. Холодно же. Пошли погреемся?

Девочка сделала вид, что не слышит, и вжалась в стенку остановки. Пуховик не понял намёка. Он вообще, судя по лицу, давно не понимал ничего сложнее этикетки на бутылке.

— Ты чё, глухая? Я с тобой разговариваю.

Он взял её за рукав.

Не встревай, сказал в голове голос Инессы Майрус, ровный и холодный, как кафель в их ванной.

— Отпустите её, — сказала Мариэль вслух.

Пуховик обернулся. Оглядел её с головы до ног: светлое пальто, шарф, аккуратные перчатки. Хорошая девочка. Увиденное ему понравилось, и он широко ухмыльнулся.

— О, ещё одна. Ты тоже погреться хочешь?

— Я хочу, чтобы вы убрали руку, — спокойно сказала Мариэль. — Это я хочу больше всего на свете.

— А то что?

Мариэль вздохнула. Она честно дала ему шанс.

Он потянулся к ней, к лицу, по-хозяйски, пятернёй. Дальше тело сделало всё само, как на тренировке. Шаг в сторону, его рука проваливается в пустоту, короткий удар под рёбра, туда, где у человека кончается воздух. Пока он складывался пополам, она подсекла ему опорную ногу.

Пуховик лёг в сугроб лицом вниз красиво и тяжело, как падает подрубленная ёлка.

Локоть она не опустила.

— Беги, — бросила Мариэль девочке, не оборачиваясь.

Девочку не пришлось просить дважды. Она исчезла в метели так быстро, будто её и не было. Мариэль потом подумает, что даже не запомнила её лица, и что это, наверное, к лучшему.

Второй пуховик у ларька наконец оценил ситуацию и заорал:

— Ты чё, дура, сделала?! Серёга! Серёга, ты живой?!

Серёга был живой. Он ворочался в снегу и мычал. Когда он поднял голову, из носа у него текла красная жидкость: при падении он поцеловался с краем бордюра, которого под снегом не было видно.

Вот это уже плохо, трезво подумала Мариэль.

Второй пуховик уже звонил куда-то, тыча в телефон замёрзшим пальцем. Мариэль подумала было уйти: просто развернуться, свернуть во дворы и раствориться, как девочка. Но за ларьком мигнул синим и красным патрульный «уазик», который, по закону подлости, оказался ровно там, где никогда не бывает, когда он нужен.

Двести седьмой, кстати, так и не пришёл.

* * *

В дежурной части пахло растворимым кофе, мокрой одеждой и старой краской. За стеклом с окошком сидел немолодой лейтенант с усами и пил чай из кружки с надписью «Лучшему дедушке». На табличке перед ним было написано «Дежурный Паль М. Г.», но почему-то сразу было понятно, что все зовут его Палыч.

Палыч посмотрел на Мариэль поверх очков, потом на Серёгу, который прижимал к носу ком снега, потом снова на Мариэль.

— Это она тебя? — спросил он Серёгу с искренним научным интересом.

— Она на меня напала! — гнусаво заявил Серёга. — Ни с того ни с сего! Я стоял, никого не трогал!

— Ну да, — сказал Палыч. — Вы же у нас ангелы, я вас всех по крыльям узнаю.

Сорок килограмм в пальто, подумал он, глядя на девушку. *А этот кабан под центнер. Либо врёт, либо мир катится куда-то не туда.*

Но заявление есть заявление, нос есть нос, а смена есть смена. До утра, пока не придёт дознаватель и не разберётся, Мариэль Майрус предстояло провести в компании лавки, решётки и тусклой лампы.

— Родителям позвонить хотите? — спросил Палыч, оформляя протокол. — Чтобы приехали, забрали, адвоката там…

— Нет, — быстро сказала Мариэль. Слишком быстро. — Мне двадцать. Я сама.

Палыч пожал плечами. *Двадцать*, подумал он. *Взрослая. А смотрит, как будто её сейчас в угол поставят.*

— Ну, сама так сама. Проходите. У вас там, кстати, соседи весёлые.

* * *

Соседи действительно были весёлые.

За решёткой на длинной деревянной лавке, привалившись спиной к стене, сидели трое. Самый младший, кудрявый и вихрастый, сосредоточенно доедал шоколадку, явно припрятанную при обыске. Второй, светловолосый красавчик с разбитой губой, что-то печатал в воображаемом телефоне, потому что настоящий у него отобрали, и вполголоса ругался.

Третий сидел, закинув ногу на ногу, в чёрном спортивном костюме с белыми полосками. Он смотрел в потолок и улыбался так, будто его привезли не в отделение, а на курорт.

Когда лязгнула решётка и в камеру шагнула Мариэль, третий медленно повернул голову.

Улыбка у него стала шире. Гораздо шире.

— Нет, — сказал Элиан Верне. — Нет. Не может быть. Майрус?

Мариэль закрыла глаза на секунду. *Из всех отделений этого города. И из всех ночей этого года.*

— Верне, — ровно сказала она.

— Шмель, — не отводя от неё взгляда, сказал Элиан, — ущипни меня. Нет, не там. И не так сильно, придурок. Я сплю? Мариэль Майрус. Отличница. Гордость потока. Девушка, которая записывает даже то, что преподаватель говорит, когда чихает. В обезьяннике.

— Я не записываю, когда он чихает, — холодно сказала Мариэль, села на противоположный край лавки и аккуратно расправила пальто. — Я записываю, когда он говорит. Тебе это незнакомо, ты на парах не бываешь.

— Бываю, — оскорбился Элиан. — Иногда. Когда ты там.

— Значит, вообще не бываешь. Я тебя там не вижу.

— Это потому что ты на меня не смотришь. А я на тебя смотрю. Вот, смотрю прямо сейчас.

Шмель, он же Нико Шмельц, двадцать лет и ноль инстинкта самосохранения, перестал жевать и переводил взгляд с одного на другую с выражением человека, попавшего на премьеру сериала.

Вот это да, думал Шмель. Вот это я удачно попал. Пацаны не поверят, Раф не поверит, да я и сам не верю. Надо было с собой попкорн брать, а не шоколадку.

Лука Ренье, светловолосый и с разбитой губой, закатил глаза.

— Можно я сразу скажу? — простонал он. — Если вы сейчас начнёте свои эти… вот это вот… я лучше попрошусь к пьяным в соседнюю.

— Мы ничего не начинаем, — сказала Мариэль.

— Мы уже давно начали, — сказал Элиан одновременно с ней.

Она посмотрела на него. Он ей подмигнул.

Он всегда такой, подумала Мариэль, отворачиваясь к стене. *Всегда. С первого курса. Улыбается, будто знает о тебе что-то смешное. Будто всё вокруг шутка, и он один её понял.* Мама сказала бы, что таких надо обходить за километр. Мама, в общем, была права. Мама почти всегда права, это и есть самое невыносимое.

— Ну и за что тебя, принцесса? — Элиан подался вперёд, упираясь локтями в колени. — Неправильно перешла дорогу? Слишком громко шуршала конспектом в библиотеке?

— Ударила человека.

Пауза.

Шмель выронил шоколадку. Лука медленно повернул голову. Элиан моргнул, и на секунду, на одну очень короткую секунду, улыбка сползла с его лица. Под ней мелькнуло что-то другое, внимательное и острое.

— Кого?

— Мужчину на остановке.

— За что?

— Он трогал девочку, которая не хотела, чтобы её трогали, — сказала Мариэль, глядя прямо перед собой. — Потом решил потрогать меня. Это было его второй ошибкой.

— А первой?

— Что вообще вышел сегодня из дома.

Элиан смотрел на неё долго, дольше, чем было прилично, а неприличного в его взглядах всегда хватало. Потом медленно рассмеялся, тихо, без своей обычной показной лёгкости, по-настоящему.

— Майрус, — сказал он. — Выходи за меня.

— Нет.

— Почему?

— Ты сидишь в обезьяннике.

— Ты тоже.

— Я здесь случайно. А ты здесь живёшь.

Шмель восторженно хлопнул себя по колену и тут же получил подзатыльник от Луки.

* * *

Её, конечно, интересовало, за что взяли их. Она не спросила. Элиан, конечно, это понял и рассказал сам, потому что молчать дольше пяти минут физически не умел.

История была такая. Шмель поспорил с Лукой на тысячу рублей, что прокатится в тележке из гипермаркета от «Ленты» до самой ТЭЦ по проспекту. Ночью. В минус двадцать пять. Лука, разумеется, поставил на то, что Шмель сдохнет на первом же перекрёстке. Элиан, разумеется, взялся тележку толкать, потому что «если уж кто-то и должен угробить Шмеля, то это буду я, по-дружески».

— И мы почти доехали, — с гордостью сообщил Шмель. — Почти! Там оставалось-то!

— Там оставалось полтора километра, — сказал Лука.

— Это почти!

— А потом, — продолжил Элиан, — нас догнал патруль. И один из сотрудников очень вежливо поинтересовался, понимаем ли мы, что тележка является собственностью торговой сети. А Шмель…

— Я сказал, что мы её не крадём, а выгуливаем, — вставил Шмель. — Ей тоже нужен свежий воздух.

Мариэль прикусила губу. Сильно, чтобы не засмеяться. Не помогло: уголок рта предательски дёрнулся.

Элиан это увидел. Конечно, увидел. Он видел вообще всё, что ему не стоило видеть.

— Ага, — мягко сказал он. — Улыбнулась.

— Нет.

— Улыбнулась. Я видел. Шмель, ты видел?

— Видел! — подтвердил Шмель.

— И вообще, вам всем грозит штраф за мелкое хулиганство, а вы радуетесь, как будто выиграли что-то.

— Я выиграл, — пожал плечами Элиан. — Я сижу в одной камере с тобой. Это лучшая ночь в моей жизни.

Он сказал это легко, как всегда. Мариэль фыркнула и отвернулась, как всегда.

Конечно, подумала она. *Лучшая ночь. Сколько раз он это говорит? И кому?* Ей с детства объясняли, что красивые слова стоят дешевле всего, потому что ничего не стоят тому, кто их говорит.

Он посмотрел ей в затылок и почти сразу отвёл взгляд, будто обжёгся.

Лучшая ночь, подумал Элиан. *Ну да. Скажи ещё. Скажи что-нибудь, что она примет за правду, и посмотри, как она уйдёт.* Флиртовать с Мариэль Майрус было безопасно ровно потому, что она никогда ему не верила. Пока она не верит, можно говорить что угодно.

Он снова откинулся к стене и прикрыл глаза.

Где-то там, через полгорода, на складе у Марека начиналась его ночная смена, на которую он уже опоздал на два часа. Марек его убьёт. Медленно и по частям. Или, что хуже, просто вычтет из зарплаты. А мама вернётся с суток в восемь утра, и, если его не будет дома, Лео опять сам поведёт Софи в садик, и опять забудет ей заплести косу, и Софи опять будет весь день ходить растрёпанная и гордая.

Отличная ночь, Верне, подумал он. *Просто лучшая.*

* * *

Ближе к трём Лука уснул, свесив голову на грудь. Шмель уснул, положив голову Луке на плечо, и Лука во сне пытался его стряхнуть, но безуспешно.

Мариэль сидела прямо, будто проглотила линейку. Сон не шёл. Руки, когда она на них посмотрела, мелко подрагивали. После спаррингов у Марка они так не дрожали никогда: там всё заканчивалось гонгом, а не протоколом.

— Замёрзла? — тихо спросил Элиан.

Она передёрнула плечами. Он стянул с себя олимпийку и кинул ей на колени. Остался в тонкой чёрной футболке, и в тусклом свете было видно, что руки у него в мелких белых шрамиках, как у человека, который много работает руками и не очень себя бережёт.

— Не надо, — сказала Мариэль.

— Надо. Ты дрожишь.

— Я не дрожу.

— Конечно. Это лавка дрожит. Бери, Майрус, я горячий.

— В каком смысле?

— Во всех, — ухмыльнулся он.

Она закатила глаза, но олимпийку не вернула. Через минуту, будто нехотя, накинула её на плечи поверх пальто. Олимпийка пахла холодом, табаком и чем-то ещё, тёплым, вроде дешёвого стирального порошка. *Как дома*, подумала Мариэль и тут же удивилась этой мысли, потому что дома у неё пахло совсем не так. Дома пахло лилиями, которые мама ставила в вазу каждую неделю, и полиролью для мебели.

— Где научилась? — спросил Элиан, кивнув куда-то в сторону её рук.

— Чему?

— Класть мужиков в сугроб.

Мариэль помолчала.

— На французском, — сказала она наконец.

Он хмыкнул.

— Хороший у тебя французский.

— Очень хороший, — согласилась она. И, сама не зная зачем, добавила: — Мама не знает.

— Про что?

— Что у меня такой французский.

Элиан повернул к ней голову. Она смотрела в стену, но он видел её профиль, ровный и упрямый, и то, как она сжимает пальцами край его олимпийки.

— Я никому не скажу, — сказал он неожиданно серьёзно.

— Ты всем всё говоришь.

— Тебе — да. Про тебя — нет.

Мариэль впервые за ночь посмотрела на него прямо. Долго, изучающе, будто пыталась найти в его лице шов, за который можно потянуть и распороть всю эту клоунаду.

Он улыбнулся. Шов, если и был, тут же исчез.

— Ну что, — сказал он своим обычным голосом. — Теперь ты мне должна. За олимпийку. Расплатишься поцелуем?

— Расплачусь тем, что не сломаю тебе нос.

— Справедливо.

Палыч за стеклом допил третью кружку чая и задумчиво посмотрел на эту парочку.

Убьют друг друга, решил он. *Или поженятся. А разница, если подумать, небольшая. Я вот со своей тридцать лет женат, и до сих пор не знаю, что из этого вышло.*

* * *

Утро пришло серое и неохотное, как всегда в декабре.

Дознаватель, мятая женщина с усталыми глазами, задала Мариэль ровно четыре вопроса. Потом посмотрела на справку Серёги, где значился перелом носа, и на запись с камеры над ларьком, которую кто-то всё-таки догадался затребовать. На записи было отлично видно, кто к кому полез первым. Дознаватель покачала головой и сказала, что дело, скорее всего, развалится.

— Но протокол в институт уйдёт, — добавила она равнодушно. — Положено. Вы же студентка. Им сообщат.

Мариэль медленно убрала руки в карманы пальто, чтобы дознаватель не увидела, как они сжались в кулаки.

Положено, повторила она про себя. *В институт. В деканат. Кесслеру.* А Кесслер играет с отцом в бильярд по субботам.

Ей отдали телефон. Экран засветился, и она по привычке, со сжатым желудком, посмотрела на уведомления.

Ни одного пропущенного.

Одно сообщение от мамы, отправленное вчера в 21:40: «Не забудь, в субботу ужин у Ловелей. Надень синее платье. Кристиан будет».

Мариэль смотрела на экран, наверное, целую минуту.

Её не было дома всю ночь. Её не было дома всю ночь, и никто этого не заметил.

Ну и хорошо, сказала она себе. *Это же хорошо. Это ровно то, чего ты хотела. Никто не знает. Никто не будет звонить.*

Почему-то хорошо не было.

* * *

Их выпустили почти одновременно: её чуть раньше, ребят чуть позже, со штрафом и бодрым напутствием Палыча «больше не выгуливайте имущество торговых сетей».

На крыльце отделения Мариэль остановилась. Мороз сразу вцепился в щёки. Город просыпался медленно: где-то скрипел троллейбус, дымили трубы ТЭЦ, в окнах панелек зажигались первые жёлтые квадраты. Она стояла и не знала, куда идти. Не в том смысле, что дорогу не знала. А в том, что идти ей, по сути, было некуда, и это открытие оказалось неожиданно тяжёлым для половины восьмого утра.

Дверь за спиной хлопнула. Элиан вышел на крыльцо, щурясь на свет, как кот. Олимпийка снова была на нём: она отдала её в дежурке, сухо сказав «спасибо», и он принял её так, будто она подарила ему орден.

Он вытащил из кармана мятую пачку, сунул в зубы сигарету, чиркнул зажигалкой. Затянулся, выдохнул в морозный воздух длинную белую струю.

Мариэль смотрела на огонёк.

— Дай, — сказала она.

Элиан замер. Медленно повернул голову.

— Чего?

— Сигарету. Дай.

— Майрус. — В его голосе было настоящее, почти детское изумление. — Ты куришь?

— Иногда.

— Когда?

— Когда очень надо.

Он помолчал, потом протянул ей пачку. Она вытащила сигарету, и он щёлкнул зажигалкой, прикрывая огонь ладонью от ветра. Наклонился ближе, чем было нужно.

Она затянулась. Закашлялась, совсем чуть-чуть, на полвдоха, и тут же взяла себя в руки.

— Очень надо, значит, — тихо сказал он.

Вместо ответа она затянулась ещё раз.

Они стояли рядом на обледеневшем крыльце дежурной части, два дымка поднимались в серое небо, и некоторое время никто из них ничего не говорил. Для Элиана это было рекордом. Для Мариэль это было странно. Странно было, что молчать с ним оказалось легче, чем разговаривать с кем-либо ещё.

Ни одного пропущенного, думала она.

Что у неё в телефоне? думал он, глядя, как она сжимает его в кармане пальто. *Она вышла из дежурки с таким лицом, будто ей кто-то умер. Или будто никто не позвонил. Второе, наверное, хуже.*

В голове у него, как всегда после бессонной ночи, само собой завелось Кино, «Пачка сигарет», и он дал ей доиграть.

Ночь отвратная, подумал Элиан. *Обезьянник, штраф, Марек с вычетом из зарплаты. Но сигарета есть. И Майрус стоит рядом. Значит, не всё так плохо.*

Из-за угла, натужно кашляя мотором, вырулила вишнёвая «девятка» с одной немного не той по цвету дверью и затормозила у крыльца, юзом проехав по наледи. Окно со скрипом поехало вниз. Из него высунулся темноволосый парень в шапке, с лицом человека, которого разбудили в шесть утра и который ни о чём в жизни так не жалел, как о своих друзьях.

— Ну, — сказал Рафаэль Дюваль. — Кого из вас я сегодня хороню? Шмеля?

— Раф! — заорал Шмель, вываливаясь на крыльцо. — Мы почти доехали!

— Не сомневаюсь, — устало сказал Раф. Потом его взгляд упал на Мариэль, на сигарету в её пальцах, на Элиана рядом с ней. Брови у него медленно поползли вверх, почти до самой шапки.

Так, подумал Рафаэль. *Так-так-так. Вчера я уезжал, когда эти идиоты собирались кататься на тележке, а сегодня приезжаю к отделению в семь утра — и тут Майрус, с сигаретой, рядом с Верне. Мне определённо надо больше спать. Или меньше, я уже не понимаю.*

— Это… — начал он.

— Не спрашивай, — сказал Элиан.

— Я и не собирался. Я собирался сказать, что Ласточка, конечно, не резиновая, но для дамы место найдётся. Мариэль, вас подвезти?

Мариэль посмотрела на «девятку». Ласточка смотрела на неё одной фарой, вторая не горела. На заднем сиденье валялись пакет из-под чипсов, гитарный медиатор и чей-то шарф.

Мама бы умерла на месте, подумала Мариэль. *Прямо на этом крыльце.*

Она бросила окурок в сугроб и отряхнула перчатки.

— Подвезите, — сказала она.

Элиан рядом выдохнул что-то, подозрительно похожее на смешок. Она обернулась.

— Что?

— Ничего, — сказал он, распахивая перед ней заднюю дверь. Дверь заело на полпути, и ему пришлось дёрнуть её дважды, с хрустом. — Просто сегодня у тебя ночь первых раз, Майрус. Первый обезьянник. Первая сигарета при мне. Первая поездка на Ласточке.

— Это не первая сигарета.

— Но первая при мне.

— Ты много о себе думаешь.

— Я много думаю о тебе, — легко сказал он, и она, конечно, ему не поверила.

Шмель забрался на заднее сиденье рядом с ней и тут же, сияя, сообщил:

— А мы, кстати, с тобой теперь в одной банде. Ты, получается, наша.

Ласточка чихнула, вздрогнула всем своим старым железным телом и поползла по заснеженной улице мимо панелек, мимо дымящих труб, мимо остановки, на которой так и не дождалась своего двести седьмого.

На переднем сиденье Элиан закрыл глаза и улыбался. Он думал о том, что у Марека его ждёт выговор, мать вернётся со смены через сорок минут, а коса у Софи сегодня снова будет кривая.

И ещё о том, что Мариэль Майрус курит. Когда очень надо.

Глава 2. Это так архаично

Элиан влетел в квартиру в восемь ноль семь, на ходу стаскивая кроссовки. На кухне Лео, взъерошенный и злой, с расчёской в зубах пытался сделать из сестриных волос что-то приличное. Получалось у него примерно так же, как у Шмеля доехать до ТЭЦ: почти.

— Где ты был? — сквозь расчёску спросил Лео тоном прокурора.

— Спасал мир, — сказал Элиан, отбирая у него расчёску. — Иди ешь. Софи, стой ровно.

— Я стою ровно, — оскорбилась Софи. — Это Лео меня крутит, как курицу на рынке.

— Я тебя не кручу!

— Крутишь!

— Оба, — сказал Элиан, — заткнулись. Пожалуйста.

Он заплетал быстро и привычно: три пряди, лево, право, середина. Этому его научила мама, когда Софи было три года и мама впервые вышла на вторую ставку. Пальцы ещё пахли табаком, и он старался не наклоняться к сестре слишком близко.

— От тебя пахнет как от дяди Бори из третьего подъезда, — сообщила Софи, сморщив нос.

— Дядя Боря — уважаемый человек.

— Дядя Боря в лифте спит.

— Ну, каждый имеет право на отдых.

Лео фыркнул в кружку с чаем. Потом поднял на брата глаза, тринадцатилетние и слишком серьёзные, и тихо спросил:

— Тебя опять забирали?

Элиан на секунду замер с резинкой в пальцах.

— С чего ты взял?

— Ты всегда шутишь больше, когда тебя забирали.

Умный засранец, весь в меня, подумал Элиан. *Главное — проследить, чтобы вырос лучше.*

— Ерунда, — сказал он вслух. — Шмель опять дурака валял, мы его вытаскивали. Маме не говори.

— А что мне за это будет?

— Жизнь.

— Мало.

— Шаурма?

— Идёт.

В замке повернулся ключ. В прихожую вошла Ирэн Верне, серая от усталости после суток в отделении кардиологии. Она прислонилась спиной к двери и секунды три просто стояла с закрытыми глазами, будто собирала себя по кусочкам.

С кухни доносились все три голоса разом. *Все дома и уже ругаются*, подумала Ирэн. *Значит, утро удалось.*

— Мам! — Софи вылетела к ней навстречу. — Элиан мне косу заплёл! Смотри!

— Красиво, — сказала Ирэн, гладя дочь по голове, и посмотрела на старшего сына поверх её макушки.

Он улыбался, как всегда, широко и легко. Ирэн двадцать лет знала эту улыбку и знала, что за ней можно спрятать что угодно: разбитый нос, неоплаченный счёт, ночь в отделении. Она слишком устала, чтобы сейчас докапываться. И она ненавидела себя за то, что слишком устала.

— Ты поел? — только и спросила она.

— Конечно, — соврал Элиан.

* * *

Дом Ловелей стоял за городом, в посёлке с охраной на въезде, где снег во дворах лежал ровный и чистый, будто его специально раскладывали. Там пахло хвоей, дорогим вином и чужими деньгами. Мариэль сидела за длинным столом прямо, улыбалась, когда это требовалось, и вовремя передавала соль.

Напротив сидел Кристиан Ловель: двадцать четыре года, аспирантура, хорошая стрижка, хорошие манеры, хорошая улыбка. Всё в нём было хорошим. Он вежливо интересовался её учёбой, вежливо шутил и вежливо подливал ей воды, не вина, потому что знал, что её мать этого не одобряет.

Он идеальный, думала Мариэль, глядя, как он аккуратно режет мясо. *Мама права. Он идеальный.* Почему-то от этой мысли хотелось выйти на крыльцо и закурить.

— Мариэль говорила, что у неё сейчас сессия, — сказала мама с той особой интонацией, которой хвалят дорогую вещь. — Конечно, одни пятёрки. Как всегда.

Мариэль улыбнулась и передала соль, хотя её никто не просил.

— Впечатляет, — улыбнулся Кристиан. — Я в твоём возрасте… ну, тоже, в общем. — Он рассмеялся над собственной шуткой, легко и необидно.

Мариэль засмеялась вовремя и ровно настолько, насколько было прилично.

А в голове сама собой прозвучала совсем другая фраза: *Ты сидишь в обезьяннике. — Ты тоже.* И ей пришлось очень быстро сделать глоток воды, чтобы скрыть настоящую улыбку, которая полезла на лицо без спроса.

Кристиан смотрел на неё и находил её очень красивой и очень правильной, именно такой, какую одобрила бы его мать. Что творится у неё в голове, он за весь вечер так и не понял.

Его это почему-то даже не беспокоило. Кристиана вообще мало что беспокоило, и в этом был его главный талант.

* * *

В понедельник, в одиннадцать сорок, Мариэль Майрус стояла у двери деканата и смотрела на табличку «Кесслер Б. Э., декан экономического факультета» так, словно это был её собственный надгробный камень.

Вызвали её запиской через старосту, сухо: «Зайти к декану в 11:45». Зачем — не написали, но она и так знала.

Все выходные она вздрагивала от шагов отца в коридоре: вдруг Кесслер в субботу за бильярдом между делом обронил «Август, кстати, твоя дочь…». Но отец так и не постучал к ней, и от этого было только хуже. Значит, Кесслер приберёг её для себя.

Спокойно, сказала она себе. *Ты ничего не сделала. Ты защищала человека. Запись это подтверждает.* Логика была безупречной. Желудок с ней категорически не соглашался.

Сзади заскрипели кроссовки по линолеуму.

— О, — сказал знакомый голос с откровенным удовольствием. — Майрус. А я-то думал, вызов к декану — худшее, что бывает в понедельник. А это, оказывается, свидание.

Мариэль закрыла глаза.

— Верне. Тебя тоже?

— Меня всегда, — пожал плечами Элиан, становясь рядом. — Я тут, можно сказать, постоянный клиент. У меня в деканате своя кружка. Ну, почти. Секретарша при виде меня крестится.

— Я бы тоже крестилась.

— Это она от красоты. А ты что думаешь, это из-за того? — Он кивнул куда-то вниз, будто дежурная часть находилась у них под ногами.

— Протокол, — коротко сказала она. — Прислали.

— Ага. Мне тоже. Совпадение, — сказал он и широко улыбнулся. — Судьба, Майрус. Нас буквально официально связали печатью.

— Нас связали протоколом о мелком хулиганстве.

— Ну так романтика же. С чего-то надо начинать.

Дверь распахнулась. На пороге стояла секретарша, Лидия Марковна: очки на цепочке, кардиган цвета овсянки. Увидев Элиана, она дёрнула рукой — кажется, и правда собиралась перекреститься.

Опять, подумала Лидия Марковна. *Господи, опять этот. С кем на этот раз? С… Майрус? С Майрус?!* Очки у неё чуть не сползли с носа.

— Проходите, — сказала она вслух. — Оба. Бертран Эдуардович ждёт.

* * *

Кабинет декана Кесслера был большой, тёплый и тихий, с огромным окном на заснеженный двор, где дворник с философским лицом гонял лопатой одну и ту же кучу снега. На стенах висели грамоты и фотографии с конференций. На столе стояла ваза с карандашами и рамка с фотографией внуков.

Сам Бертран Эдуардович Кесслер был немолодой, полный и седой. У него было лицо человека, который видел за свою карьеру всё, и это всё ему давно и глубоко надоело.

— Садитесь, — сказал он, не поднимая глаз от бумаг.

Они сели на два стула перед его столом. Стулья стояли слишком близко, и плечо Элиана почти касалось её плеча. Мариэль незаметно отодвинулась на два сантиметра. Элиан незаметно, но совершенно не стесняясь, наклонился на те же два сантиметра в её сторону.

Кесслер наконец поднял глаза и посмотрел на них долго и устало.

— Ну, — сказал он. — Красота.

Пауза.

— Верне, — начал декан, беря в руки первую бумагу. — Три хвоста с прошлой сессии. Эконометрика, статистика, финансовая математика. Посещаемость… — он заглянул в бумагу, — давай я не буду произносить эту цифру вслух, она меня расстраивает. Два предупреждения. И теперь вот. — Он приподнял протокол. — Тележка. Из «Ленты».

— Мы её не крали, — заметил Элиан. — Мы её…

— Если ты сейчас скажешь «выгуливали», я тебя отчислю прямо сейчас, без всяких сессий.

Элиан закрыл рот. Мариэль, не поворачивая головы, почувствовала, как он беззвучно смеётся, и ей очень захотелось наступить ему на ногу.

— Это уже не предупреждение, Верне, — сказал Кесслер тише. — Не закроешь всё в эту сессию — отчислю. Удовольствия мне это не доставит, но рука не дрогнет. А что бывает дальше, ты знаешь лучше меня.

Элиан знал. Дальше была повестка, год, а то и больше, и мама одна с двумя детьми на двух ставках, и Лео без присмотра в тринадцать лет, в их районе, где тринадцатилетние без присмотра очень быстро находят себе другой присмотр.

Улыбка у него на лице не дрогнула. Только пальцы на колене сжались в кулак.

Мариэль скосила на него глаза. *Сидит и улыбается*, подумала она, *а сам боится до смерти.*

— Понимаю, — сказал Элиан, и голос у него был ровный и даже весёлый. — Значит, сдам.

— Как? — спросил Кесслер почти с интересом. — Святым духом? По ночам ты работаешь, днём ты… не знаю, что ты делаешь днём, Верне, и знать не хочу. А эконометрику у тебя ведёт Ремер, который, честно говоря, ненавидит всех, а тебя особенно.

При слове «Ремер» Мариэль едва заметно выпрямилась. Это Элиан тоже увидел и запомнил.

— Теперь вы, Майрус, — сказал Кесслер, перекладывая бумаги.

Голос его стал другим, мягче и осторожнее. Так говорят с хрупкими и дорогими вещами, которые принадлежат не тебе.

— Я посмотрел запись с камеры, — сказал он. — Я знаю, что произошло. Вы поступили… — он поискал слово, — смело. И очень глупо. Он мог быть с ножом. Мог быть кто угодно.

— Он лез к школьнице, — сказала Мариэль.

— Я знаю. И я, как человек, вас понимаю. Но я, как декан, получил бумагу из полиции о том, что студентка моего факультета, лучшая студентка потока, сломала человеку нос у ларька. — Он вздохнул. — Дело, скорее всего, закроют. Но бумага пришла. И я обязан… ну, вы понимаете. Как минимум поставить в известность.

Вот и всё. Мариэль сидела прямо, руки на коленях, спина как струна, и чувствовала, как пол медленно уходит из-под ног. Отец, мама и мамин голос, ровный, без крика, потому что мама никогда не кричит: «Мы столько в тебя вложили». И бокс, который сразу перестанет быть французским. Конец всему, что было её собственным, маленьким и спрятанным.

Элиан сбоку перестал улыбаться и смотрел на неё.

— Однако, — сказал Кесслер, сложив руки на животе, — у меня есть идея.

Он посмотрел на них обоих по очереди, и в его усталых глазах мелькнуло что-то подозрительно похожее на озорство.

Отчислять этого шалопая рука не поднимается, думал Бертран Эдуардович. *Его мать когда-то ставила мне капельницы, и только у неё во всём отделении это было не больно. А звонить Августу себе дороже: за бильярдом он золотой человек, но стоит заговорить о дочери, и с ним уже невозможно разговаривать. Вот и решим обе задачи одним ходом. Мне за это, конечно, не доплатят, ну так мне много за что не доплачивают.*

— Майрус, — сказал он. — Бумагу из полиции я могу… положить в стол. Надолго. Очень надолго. Например, до конца ваших дней в этом учебном заведении. Ваши родители о ней не узнают. От меня, во всяком случае.

Мариэль медленно подняла на него глаза.

— А взамен?

— Вы вытаскиваете вот это, — Кесслер кивнул на Элиана, — через сессию, со всеми тремя хвостами. Сдаст — бумага так и лежит в столе. Не сдаст… — декан развёл руками. — Отчислю его и, увы, позвоню вашему отцу. И поверьте, мне это нравится не больше, чем вам.

Тишина.

Дворник за окном наконец победил кучу снега и победоносно воткнул в неё лопату.

— Простите, Бертран Эдуардович, — сказала Мариэль очень ровно, — но это очень похоже на шантаж.

— Похоже, — легко согласился Кесслер. — Но я предпочитаю называть это помощью. Ему — от армии, а вам… — он чуть помедлил, — от того, что ждёт вас дома. Что именно, не знаю, но по вашему лицу вижу, что ничего хорошего.

Мариэль повернула голову и впервые за весь разговор посмотрела на Элиана.

Он уже снова улыбался, будто ничего не произошло, но глаза у него были тёмные и очень внимательные.

— Ну что, принцесса, — негромко сказал он. — Возьмёшься за меня?

Мариэль ответила ему таким взглядом, что другой на его месте отодвинулся бы вместе со стулом.

— Это «да», — с удовольствием перевёл Элиан и повернулся к декану. — Слышали, Бертран Эдуардович? Мы согласны.

— Ты даже не спросил, хочу ли я…

— Захочешь. Ты сидишь и прикидываешь, что скажет мама, а я — как бы не загреметь в армию. Выйти отсюда хотим оба. Значит, согласны.

Кесслер смотрел на них и не мог решить, совершил ли он самую большую ошибку в своей карьере или самую удачную.

— Прекрасно, — сказал он вслух. — Свободны. Майрус, отчитываться будете мне. Раз в неделю. Верне, если я ещё раз услышу про тележку, гусей, пожарные лестницы или что угодно ещё, что придёт в голову вашему другу Шмельцу…

— Шмель не виноват, у него трудное детство.

— У него голова трудная. Вон.

* * *

В коридоре было пусто: шли занятия. Пахло мелом, батареями и чьими-то духами. Мариэль быстро шла к лестнице, цокая каблуками, а Элиан неторопливо шёл следом, засунув руки в карманы.

— Правила, — сказала она, не оборачиваясь.

— Какие правила?

— У нас будут правила. — Она остановилась у окна на лестничной площадке и развернулась к нему. Глаза у неё горели: у неё только что отобрали контроль, который она собиралась вернуть любой ценой. — Первое. Занятия три раза в неделю. Понедельник, среда, пятница. Ты не опаздываешь.

— Я по ночам работаю.

— Значит, днём, после пар, в библиотеке.

— Там тишина гробовая, — поморщился он. — Все услышат, как ты на меня орёшь.

— Я не собираюсь на тебя орать.

— Соберёшься. Где-то на втором примере.

Мариэль глубоко вдохнула.

— Второе. Никакого флирта на занятиях.

— Тогда сразу ставь мне незачёт.

— Это не обсуждается.

— Майрус, я физически не могу. Это как попросить меня не дышать. Ты видела себя? Нет, серьёзно, ты себя в зеркале видела? Это ты должна прекратить так выглядеть, тогда я, может быть, подумаю…

— Третье, — перебила она, повышая голос. — Никто не знает, почему мы занимаемся.

Элиан замолчал. Внимательно посмотрел на неё.

— Почему?

— Потому что это никого не касается.

— Твои подружки спросят, мои пацаны спросят, а Шмель спросит раз сто и ещё сто раз растрезвонит, что мы уже женаты.

— Скажешь, что я занялась благотворительностью и взяла шефство над бездомным.

— А ты что скажешь?

— Что ты мне заплатил.

— Чем?

— Деньгами, Верне. Чем ещё?

Он хмыкнул и сделал шаг ближе. Совсем небольшой, но на лестничной площадке сразу стало тесно.

— Есть варианты, — сказал он тепло и насмешливо.

Мариэль осталась стоять где стояла: это было её правило номер ноль, которое не нужно было произносить вслух. Она подняла подбородок и посмотрела ему прямо в глаза снизу вверх.

— Четвёртое правило, — сказала она тихо и очень отчётливо. — Если ты провалишь хоть один экзамен, я сломаю тебе нос. Как тому, у ларька. Только тебе понравится меньше.

Он смотрел на неё, и на секунду ей показалось, что сейчас он скажет что-то другое, чего ещё никогда не говорил, — настоящее.

— Мне понравится, — сказал он. — Если это сделаешь ты.

Мариэль закатила глаза так сильно, что, кажется, увидела собственный мозг.

— Ты невыносим.

— Ты повторяешься, Майрус. Это ты уже говорила. В четверг, в обезьяннике.

— Я говорила, что ты там живёшь.

— Тоже правда.

Она развернулась и пошла вниз по лестнице. Каблуки зло застучали по ступенькам.

— Завтра, — бросила она через плечо. — После третьей пары. Читальный зал, второй этаж. Не опаздывай.

— Завтра вторник, — крикнул он ей вслед. — Ты сказала понедельник, среда, пятница!

— Мы начинаем завтра!

— Ты сама нарушаешь свои правила!

— Это мои правила! — донеслось снизу. — Я могу их нарушать!

Он перегнулся через перила и засмеялся, громко, на всю лестницу, так что какой-то первокурсник с пролёта ниже испуганно шарахнулся к стене.

Смех стих не сразу. Элиан ещё постоял, глядя туда, где она исчезла. Потом вытащил телефон и написал в общий чат «Пацаны»:

«Новости. Я теперь официально подопечный Майрус».

Ответ пришёл через секунду. Шмель, конечно, был на паре и, конечно, сидел в телефоне.

«ЧТО» «В СМЫСЛЕ» «ВЫ ЖЕНИЛИСЬ???» «Я ЗНАЛ» «Я ВСЕГДА ЗНАЛ» «ЛУКА ГОНИ ТЫСЯЧУ»

Лука: «Мы спорили не на это».

Шмель: «Ну значит гони за тележку. Я почти доехал».

Раф прислал одно слово: «Объяснись».

Ответы он оставил на потом. Сунул в уши наушники, включил Где Фантом?, «Это так архаично», и пошёл вниз по той самой лестнице, по которой только что зло стучали её каблуки.

Два с лишним года холодной войны в коридорах, подумал он. *Она на меня свысока, я на неё с ухмылкой, и каждый уверен, что прав. А Кесслер взял и закончил эту войну за десять минут.*

Песня была спокойная, почти светлая, и он спускался под неё, перескакивая через ступеньку.

* * *

Этажом выше, у двери кафедры прикладной статистики, стоял мужчина лет сорока пяти в аккуратном сером костюме. Тонкие губы, очки без оправы. Оскар Ремер, кандидат экономических наук, проверял журнал и не собирался подслушивать.

Но на лестнице было громко. А Ремер вообще редко что-то пропускал.

До него долетели две фамилии, Майрус и Верне, а между ними слово «экзамен».

Полгода назад он задержал Мариэль Майрус после консультации в пустой аудитории — «на пару слов по поводу курсовой» — и положил ладонь ей на плечо. По-отечески, разумеется, исключительно по-отечески. Она посмотрела на него прямо и ледяно, без тени испуга, и совершенно спокойно сказала: «Уберите руку, Оскар Генрихович. Иначе я уберу её сама, а потом расскажу отцу, зачем вы её туда положили. Вы ведь знаете, кто мой отец».

Он руку убрал. Курсовую ей пришлось поставить «отлично», потому что придраться было не к чему.

Но он запомнил.

Оскар Генрихович закрыл журнал, поправил очки и чуть-чуть, совсем незаметно, улыбнулся тонкими губами.

Верне, и как раз эконометрика, подумал он. *Как удачно.*

Глава 3. Как тебя покорить

Читальный зал на втором этаже был тем самым местом, где время останавливается и умирает тихой смертью между стеллажами.

Морозные узоры затянули высокие окна до самого верха. Над длинными столами горели зелёные лампы, вернее, горела половина из них, пахло старой бумагой и пылью, а батареи грели так неравномерно, что у окна впору было печь хлеб, а у двери — надевать шапку.

Над всем этим с кафедры у входа царила библиотекарша Аглая Францевна, худая и древняя, как сам фонд. Говорили, что она пережила четырёх ректоров и одну реформу образования и что все четыре ректора её боялись.

Мариэль пришла за пятнадцать минут до назначенного времени. Заняла дальний стол у окна, достаточно далеко, чтобы их не слышали, и достаточно близко к свету, чтобы всё было видно. Разложила учебник по эконометрике, свои конспекты, чистую тетрадь для него, три ручки разных цветов и стопку стикеров.

Посмотрела на всё это и подумала, что выглядит как маньяк.

Ну и пусть, решила она. *Это работа, а не свидание, и делаешь ты её ради себя, а не ради него.*

Потом она открыла учебник на первой главе, с самых азов: что такое переменная, что такое зависимость, что такое регрессия. Она была почти уверена, что начинать придётся отсюда. Человек, который пропустил семьдесят процентов пар, не может знать больше, чем знает тележка из «Ленты».

Она приготовилась к долгой зиме.

* * *

Элиан опоздал на четыре минуты.

Он вошёл в читальный зал, стряхивая с плеч снег и весело кивая всем подряд. Аглая Францевна посмотрела на него поверх очков таким взглядом, каким смотрят на таракана в супе.

— Шапку снимите, молодой человек.

— Я без шапки, Аглая Францевна.

— Тогда снимите капюшон.

— Я без…

— Снимите что-нибудь.

Он, не моргнув глазом, снял шарф и с поклоном повесил его на спинку ближайшего стула. Аглая Францевна поджала губы.

Опять этот, подумала она. *На первом курсе взял Фихтенгольца, все три тома, и вернул в срок без единой пометки. До сих пор не пойму, что это было. Подозрительно.*

Элиан нашёл глазами Мариэль у окна и расплылся в улыбке. Через весь зал, между рядами склонённых голов, он пошёл к ней так, будто шёл на свидание. Кто-то из первокурсниц оглянулся ему вслед. Кто-то шёпотом сказал соседке: «Это Верне. Ну, тот самый».

— Ты опоздал, — сказала Мариэль, не поднимая глаз.

— На четыре минуты.

— Это опоздание.

— Это прелюдия, Майрус. Я давал тебе время соскучиться.

— Садись.

Он сел. Не напротив, как она рассчитывала, а рядом, отодвинув стул ровно настолько, чтобы его колено оказалось в пяти сантиметрах от её колена. Она немедленно отодвинулась, и он с невинным видом придвинулся следом.

— Итак, — сказала Мариэль голосом учительницы младших классов и развернула к нему учебник. — Начнём с основ. Это, — она ткнула ручкой в формулу, — уравнение линейной регрессии. Вот это зависимая переменная, это независимая. Это коэффициент, который показывает…

Она объясняла минут двенадцать: чётко, по пунктам, с примерами, рисуя графики на полях. Она умела объяснять, это все знали. Перед каждой контрольной к ней выстраивалась очередь из однокурсников, и иногда ей даже казалось, что это и есть единственное, за что её по-настоящему ценят.

Элиан слушал молча. Подперев подбородок кулаком, он смотрел то в учебник, то на её руку с ручкой, то на неё саму. На неё, надо признать, чаще. Мариэль это злило, и она объясняла ещё чётче, ещё строже, будто вбивала гвозди.

Не слушает, думала она. *Конечно, не слушает. Смотрит на меня, как кот на сметану, и ничего не слышит. Придётся повторять три раза, а то и все двадцать.*

— Вот, — сказала она наконец, выдохнув, и пододвинула к нему тетрадь. — Попробуй решить первые три. Если не получится, ничего страшного, разберём вместе. Я понимаю, что это сложно с непривычки, и…

— Угу, — сказал он и взял ручку.

Мариэль откинулась на спинку стула, скрестила руки на груди и приготовилась ждать. За окном мороз нарисовал на стекле папоротник, а на подоконнике кто-то забыл шоколадную обёртку.

Через четыре минуты он подвинул к ней тетрадь.

— Это всё, что ли?

Мариэль посмотрела на тетрадь, потом ещё раз, внимательнее.

Три примера были решены аккуратным, неожиданно ровным почерком, и все правильно. А в третьем, самом мерзком, где она сама когда-то запуталась, он нашёл решение изящнее, чем в учебнике, на целых три строчки короче.

— Ты… — Мариэль подняла на него глаза. — Как?

— Ну, ты объяснила, — пожал он плечами. — Я понял.

— За двенадцать минут?

— Ты хорошо объясняешь.

— Никто не понимает за двенадцать минут!

— Значит, ты очень хорошо объясняешь, — с невинной улыбкой сказал Элиан.

Она схватила учебник и стала лихорадочно листать дальше. Нашла параграф пятый, где начиналось то, от чего у половины потока случались нервные срывы.

— Вот это, — сказала она, тыча в задачу. — Это реши.

— Это ты ещё не объясняла.

— Попробуй.

Он посмотрел на задачу, нахмурился и пожевал колпачок ручки. *Ну вот и потолок*, почти с облегчением подумала Мариэль. *Сейчас скажет, что не понимает.*

А он поднял на неё глаза и сказал:

— Тут же то же самое, только переменных больше. И матрица вместо одного коэффициента. — И начал писать.

Он писал минут десять. Один раз зачеркнул и тихо выругался под нос. Аглая Францевна с кафедры метнула в него молнию взгляда, и он примирительно поднял руки. Потом дописал и подвинул ей тетрадь.

Мариэль проверила медленно, строчка за строчкой. Всё было правильно.

Внутри у неё что-то разжалось. Со вчерашнего дня она прикидывала, сколько недель уйдёт на одни азы, успеют ли они до сессии и что будет, если не успеют. Она обрадовалась так искренне, по-детски, будто ей самой поставили пятёрку, которую не нужно было заслуживать

идеальным поведением, и совершенно не заметила, как рука сама потянулась и зарылась ему в волосы, светлые, растрёпанные после снега, неожиданно мягкие. Она потрепала их быстро и тепло, как треплют любимую собаку, принёсшую палку.

— Умница! — выдохнула она. — Боже, Верне, да ты же умница!

Тишина.

Её рука всё ещё лежала у него на голове.

Первыми это поняли пальцы, потом голова, а потом всё тело сразу, и по щекам горячей волной пошла краска.

Элиан сидел неподвижно и смотрел на неё снизу вверх. На лице у него было выражение, какого она раньше не видела: на секунду совершенно растерянное, почти беззащитное. Будто его ударили, только не больно, а наоборот.

Погладила…, думал Элиан, и в голове у него было пусто и звонко, как в морозное утро. Последний раз его так трогали по голове… он даже не помнил когда. Мама гладила младших, это было правильно, им нужнее. Его гладить было некогда и незачем: он был старший, он был тот, кто справляется.

А потом растерянность исчезла, будто её и не было, и на её месте расцвела та самая улыбка.

— Майрус, — сказал он тихо и очень нежно. — Я решу тысячу примеров. Хоть миллион. Если ты ещё раз сделаешь вот так.

Мариэль отдёрнула руку так, будто обожглась.

— Я ничего не делала.

— Делала, — он хитро прищурился.

— Я… стряхивала снег. У тебя в волосах был снег.

— Снег растаял ещё на входе.

— Значит, пыль.

— Я чистый.

— Это рефлекс! — прошипела она, багровея. — Непроизвольное мышечное движение! Как… как у собаки Павлова!

— У собаки Павлова слюна текла, а не руки гладили.

— Замолчи.

— Я теперь тоже собака Павлова, — продолжал он, абсолютно счастливый. — Решил пример — получил по голове. Классический условный рефлекс. Давай проверим. Дай ещё задачу.

— Нет.

— Дай.

— Нет! Я тебя больше не трогаю. Никогда. Это… это правило номер пять!

— Ты вчера сказала, что их четыре.

— Теперь их пять!

С кафедры донеслось ледяное, как сосулька:

— Молодые люди.

Они оба вздрогнули и синхронно повернулись к Аглае Францевне.

— Это читальный зал, — сказала Аглая Францевна. — Здесь читают, а не воркуют.

— Мы занимаемся эконометрикой, — сказал Элиан с самым честным лицом на свете.

— Я вижу, чем вы занимаетесь, — отрезала Аглая Францевна и снова уткнулась в формуляры.

Никакой это не читальный зал, подумала она, перелистывая страницу. *Это ловушка.*

* * *

Мариэль сидела, уткнувшись в учебник, и старательно не смотрела на него. Щёки ещё горели, пальцы ещё помнили его волосы, мягкие и тёплые, и это было отвратительно — такое следовало немедленно забыть.

Ты сошла с ума, говорил в голове голос мамы. *Ты трогаешь руками таких, как он. На людях, да ещё и в институте. Что подумают?*

Ничего не подумают, огрызнулась она про себя. *Я просто… обрадовалась.*

Чему? Что хулиган решил задачку?

Что я его научила, ответила Мариэль и сама себе не поверила. Ничему она его не научила: он и так почти всё знал. Она только дала ему слова для того, что у него уже было в голове.

Она подняла глаза.

— Почему?

— Что почему? — Он уже снова раскачивался на стуле, балансируя на двух ножках, что, несомненно, было нарушением ещё как минимум трёх правил Аглаи Францевны.

— Почему у тебя хвосты, если ты… — она обвела тетрадь в воздухе широким кругом, — вот это?

Элиан пожал плечами. Стул качнулся вперёд и стукнул передними ножками об пол.

— Потому что я не хожу на пары.

— Это я поняла. Почему ты не ходишь?

— Утром сплю. Ночью работаю.

— Где?

Он помолчал. Совсем недолго, может, секунду, но Мариэль это заметила. Она начинала замечать, что за его быстрыми ответами всегда есть крошечная пауза, если вопрос касается чего-то настоящего.

— На складе, — неохотно сказал он, потирая шею. — Стройматериалы. Ночная приёмка, разгрузка. Плюс Марек, это начальник, мне накладные сводить даёт, потому что бухгалтерша у них путает плюс с минусом. Ну и остатки считать. Там ничего сложного, просто цифры. Цифры я люблю, они не врут.

— А люди врут?

— Все врут, — легко сказал он и улыбнулся. — Кроме тебя, Майрус. Ты не врёшь. Ты просто молчишь.

Она не нашлась, что ответить. Это было слишком похоже на правду.

— А Ремер? — спросила она, переводя тему. — Кесслер сказал, что он тебя особенно ненавидит. За прогулы?

Элиан ухмыльнулся, широко и совершенно бандитски.

— Не-а. За прогулы он всех ненавидит одинаково. Меня — особенно.

— Почему?

— На втором курсе, на одной из тех редких пар, где я был, он вывел на доске формулу. С ошибкой. Не очень большой, просто знак перепутал, и у него вся дисперсия ушла в минус. Дисперсия, понимаешь, Майрус? В минус. Это как если бы у меня было минус три брата. Ну, и я поднял руку и сказал.

— Что ты сказал?

— Сказал: «Оскар Генрихович, у вас дисперсия отрицательная. Тут одно из двух: или знак перепутан, или вы открыли новую математику, и тогда я хочу на неё записаться». Весь поток ржал минут пять.

Мариэль прикрыла рот ладонью. Смех рвался наружу, как пар из чайника, и она изо всех сил прижимала его к губам.

— И что он?

— Исправил знак, — сказал Элиан. — Поблагодарил меня за внимательность. Очень вежливо. И с тех пор ни разу не поставил мне зачёт. Ни разу, даже за правильные работы. Говорит: «Списал, Верне. У тебя такое решение быть не могло».

Улыбка у него на лице на секунду стала другой, не весёлой, а злой.

Мариэль перестала смеяться.

Она знала Ремера. Знала его тонкие губы, его вежливый голос, его ладонь на своём плече в пустой аудитории. Знала, как он умеет помнить.

— Это несправедливо, — тихо сказала она.

— Жизнь вообще несправедливая штука, принцесса. Я думал, ты знаешь.

— Знаю, — сказала она. — Но это не значит, что с этим надо мириться.

Он посмотрел на неё внимательно.

— А ты? — спросил он очень мягко. — Ты вчера у Кесслера чуть со стула не упала, когда про Ремера услышала. Что у тебя с ним?

Мариэль сразу отвела глаза.

— Ничего.

— Майрус.

— Ничего, — повторила она твёрдо. — Решай пятую главу.

Элиан не стал настаивать. Это её даже удивило: она думала, он будет давить, шутить, лезть. А он просто кивнул и взял ручку.

Что-то там было, и говорить она не станет, думал он, выписывая формулу. *Ладно, не сейчас.* Он запомнил это так же, как запомнил её сжатые на коленях руки в кабинете Кесслера. Как запомнил, что в телефоне у неё в то утро не было ни одного пропущенного. Он начинал собирать её, как пазл, кусочек за кусочком, и ему очень не нравилась картинка, которая начинала проступать.

* * *

Без двадцати шесть, когда за окнами уже совсем стемнело, а в зале зажглась вторая половина ламп, у их стола выросли три тени.

— Так-так-так, — сказала Камилла Норд.

Мариэль вздрогнула и подняла глаза, а Элиан только откинулся на стуле и с интересом оглядел пришедших: застать его врасплох ещё никому не удавалось.

Это были её подруги. Камилла, высокая и темноволосая, с острыми скулами и таким же острым взглядом, разглядывала их с видом следователя, взявшего преступника с поличным. Светлая, мягкая Вивьен многозначительно улыбалась. Тихая Адель держалась чуть позади и косилась на Элиана с опаской, как на большого незнакомого пса: то ли укусит, то ли полезет лизаться.

— Мы тебя потеряли, — сказала Камилла сладким голосом. — Звоним, пишем, а ты не отвечаешь. Мы уж подумали, что тебя похитили. А это, оказывается, правда.

— Я занимаюсь, — сказала Мариэль.

— Вижу, — кивнула Камилла. — Эконометрикой с Верне, в самом дальнем углу, где вас никому не видно. Очень по-научному.

— Ками, — устало сказала Мариэль. — Это не то, что ты думаешь.

— А я ничего и не думаю, — Камилла широко распахнула глаза. — Я вообще в последнее время редко думаю, мне это вредно. Виви, ты что-нибудь думаешь?

— Я думаю, это мило, — сказала Вивьен.

— Это не мило! — возмутилась Мариэль.

— Это очень мило, — согласился Элиан.

— Ты вообще молчи!

Мило, думала Вивьен, улыбаясь. *Раф рассказывал, что Элиан с первого курса только про неё и твердит, но уверял, что это всё шуточки. Сам он, между прочим, тоже полгода*

отшучивался, прежде чем меня пригласить. Вивьен свято верила, что все истории кончаются хорошо, и мир пока не нашёл способа её переубедить.

— Привет, Виви, — сказал Элиан. — Раф тебя ждёт у выхода, кстати. Сказал, чтобы я тебе передал, если увижу.

— Правда? — Вивьен просияла.

— Правда. Сказал, что ты лучше всех.

— Он так не говорил, — подозрительно прищурилась Камилла.

— Говорил. Другими словами. Но смысл был такой.

Адель неуверенно спросила, глядя куда-то в сторону:

— А Лука… Лука тоже там?

Элиан посмотрел на неё чуть дольше и внимательнее, чем нужно.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное.

Не там, подумал он. *Сегодня опять отписался в чате, что «занят», и в последнее время занят он подозрительно часто.* Не нравилось Элиану и то, как Лука стал говорить про Адель: со скукой, будто про сериал, который давно надоел, а выключить лень. Только лезть в это было не его дело. Наверное.

— Ладно, — сказала Камилла, подхватывая Вивьен под руку. — Мы тогда пойдём. Не будем мешать вам заниматься… эконометрикой. Мариэль, ты нам потом расскажешь. Всё.

— Нечего рассказывать.

— Расскажешь, — повторила Камилла с нажимом и посмотрела на Элиана. Во взгляде было предупреждение, ясное, как формула на доске: *Обидишь её — будешь иметь дело со мной. И поверь, Ремер рядом со мной котёнок.*

Элиан посмотрел на неё в ответ с абсолютно серьёзным, понимающим выражением и кивнул: *Понял. Принял.*

Камилла, чуть удивлённая, кивнула в ответ.

Хм, подумала Камилла, уводя подруг. *Ладно, посмотрим.*

* * *

Когда они ушли, Мариэль закрыла лицо руками.

— Теперь все узнают, — простонала она в ладони.

— Что узнают? Что ты меня гладишь по голове?

— Я тебя не глажу!

— Ты меня гладила.

— Один раз! Случайно!

— Значит, признаёшь, что гладила.

Она уронила руки и посмотрела на него с таким отчаянием, что он рассмеялся, тихо и почти нежно, совсем без обычной насмешки.

— Да ладно тебе, Майрус. Они твои подруги. Они никому не скажут.

— Ками скажет. Мне. Каждый день до конца моей жизни.

— Ну это да, — согласился он. — С Ками не повезло.

Он посмотрел на часы, быстро захлопнул тетрадь и встал.

— Мне пора.

— Куда? — вырвалось у неё, прежде чем она успела подумать.

Он замер, натягивая куртку, и посмотрел на неё с внезапной хитрой улыбкой.

— Скучать будешь?

— Нет. Просто… я ещё не закончила.

— На склад мне, принцесса. В семь смена. Марек, если опоздаю, меня убьёт. Опять. — Он намотал шарф, тот самый, который висел на спинке стула. — Завтра ведь не занимаемся? Ты сказала: понедельник, среда, пятница.

— Среда, — сказала Мариэль. — Завтра среда.

— А, ну да. Сегодня ведь был внеплановый вторник.

— Ты сам знаешь, какой сегодня день.

— Я просто хотел ещё раз услышать, что завтра ты меня ждёшь.

— Я тебя не жду!

— Ждёшь.

— Иди уже!

Он пошёл. Через весь зал, мимо зелёных ламп, мимо склонённых голов, мимо Аглаи Францевны, которой отдал честь двумя пальцами у виска. Библиотекарша посмотрела на него с выражением, которое на её лице, если очень постараться, можно было принять за что-то близкое к симпатии.

У двери он обернулся.

— Майрус!

Половина читального зала подняла головы.

— Тысяча примеров! — громко сказал он. — Я не шутил!

И ушёл, прежде чем она успела в него что-нибудь бросить.

Мариэль сидела за столом у окна и смотрела на закрывшуюся дверь. Щёки снова горели. Совершенно некстати и совершенно без её разрешения.

Она опустила глаза на тетрадь с его ровным почерком и в самом низу страницы, в углу, увидела то, чего раньше не заметила.

Там сидела нарисованная ручкой собачка, маленькая и кривоватая, высунув язык и счастливо глядя вверх, на нарисованную над ней руку.

Мариэль долго смотрела на этот рисунок.

Потом, оглянувшись, будто совершала что-то противозаконное, аккуратно вырвала страницу, сложила её вчетверо и положила во внутренний карман сумки. Туда, где лежали перчатки для бокса, которые она сегодня даже не брала с собой. Туда, где лежали все её маленькие тайны.

Это просто для отчёта Кесслеру, сказала она себе. *Доказательство прогресса.*

Голос мамы в голове на этот раз почему-то промолчал.

* * *

На улице уже стемнело. Мороз с каждым часом крепчал, и фонари стояли в дрожащих оранжевых коконах пара.

Элиан шёл к остановке быстро, натянув шарф до носа, засунув руки глубоко в карманы. Пальцы правой руки нащупали в кармане зажигалку и сжались вокруг неё.

Голова, там, где она его трогала, до сих пор была тёплой.

Ты идиот, Верне, подумал он. *Это был рефлекс, собака Павлова, случайность.*

Но она это сделала.

На остановке он вытащил сигарету и закурил. Двести седьмой, как обычно, где-то потерялся в метели. Элиан сунул в уши наушники, и плеер, будто издеваясь, выдал Перемотку, «Как тебя покорить». Он фыркнул и оставил её играть.

Тысяча примеров, подумал он и усмехнулся в шарф. *Я ведь правда не шутил.*

Это было самое опасное, что он когда-либо говорил вслух.

Глава 4. Первый снег

Склад стройматериалов «Монолит» стоял на самом краю промзоны, там, где город заканчивался и начинались бетонные заборы, железнодорожные пути и бесконечное белое ничего.

Ночью он был похож на огромного спящего зверя: длинный ангар из профнастила, три прожектора над воротами, и в их свете медленно кружилась мелкая снежная пыль. Внутри пахло цементом, деревом, машинным маслом и холодом, который не уходил даже от двух ревущих тепловых пушек.

Элиан пришёл без двух минут семь.

Марек, не отрываясь от планшета, покосился на часы над воротами.

— Верне, и вовремя? Ты чего, заболел?

Марек был огромный, как шкаф, лысый, с бородой лопатой и голосом, похожим на работающий трактор. Когда-то он был боксёром, потом дальнобойщиком, потом кем-то ещё, о чём никто не спрашивал. Сейчас он был начальником ночной смены и единственным человеком на складе, который умел ругаться одновременно на трёх языках.

— Влюбился, Марек, — сказал Элиан, натягивая рабочие перчатки.

— Это хуже, от этого не лечат. — Марек сунул ему стопку мятых накладных. — В одиннадцать фура из Твери: газоблок, сухие смеси, утеплитель. А до неё разберись с остатками. Нина Петровна опять насчитала, у неё на складе минус сорок мешков штукатурки.

— Минус сорок мешков? — Элиан расплылся в улыбке. — Марек, да это же отрицательная дисперсия. Я ровно за такое у Ремера зачёт не получаю.

— Чего?

— Говорю, сведу.

Марек проводил его взглядом.

Влюбился, подумал он, почёсывая бороду. *Ну-ну. Этот пацан третий год пашет здесь как вол, ни разу не пожаловался, считает лучше нашей бухгалтерии и вечно улыбается так, будто ему за это платят. Если в него кто влюбится, пусть там будет хорошая девка. Пацану бы хоть что-то хорошее.* Вслух он рявкнул:

— И шапку надень, дурак! Минус двадцать восемь!

* * *

Элиан сел за обшарпанный стол в углу ангара, под жёлтой лампой, и разложил перед собой накладные. Потом достал телефон, размотал провод старых наушников и воткнул их в уши.

Это был его ритуал. Без него смена не начиналась.

Заиграл постпанк: холодные гитары, глухой бас, голос, который пел так, будто стоял один посреди пустого двора в четыре утра и никуда не торопился. Сова, «Первый снег». Песня шла у него первой в плейлисте, который назывался просто: «ночь».

Он слушал её почти каждую смену. Она звучала как его город: панельки в темноте, жёлтые окна, где кто-то не спит, снег, который падает и падает, и ничего не меняется, а внутри всё равно почему-то становится чуть тише. Элиан никогда не объяснял себе, почему она ему нравится. Просто под неё лучше считалось, легче думалось и меньше тянуло думать о том, о чём думать не стоило.

Под неё он сводил цифры: приход, расход, остаток. Минус сорок мешков штукатурки оказались двумя перепутанными строчками и одной лишней запятой. Нашёл он их за двадцать минут.

Цифры не врут, думал он, исправляя строчку. *Цифры просто иногда путаются у тех, кто их не понимает.*

А потом, совершенно некстати, посреди накладной номер семнадцать, он подумал о её руке у себя в волосах.

Ручка в его пальцах остановилась.

Умница, сказала она. *Боже, Верне, да ты же умница.*

Ему такого не говорили. Ему говорили: «Верне, к доске». «Верне, опять прогулы». «Верне, ты как отец, ничего из тебя не выйдет», это когда-то сказала соседка, баба Зина, и он тогда был слишком маленький, чтобы ответить. Мама говорила: «Ты у меня молодец». Но мама говорила это устало, на бегу, между сменами, и он никогда не мог понять, правда ли она так думает или просто ей больше нечем его наградить.

А Мариэль сказала «умница» так, будто это её саму похвалили: обрадовалась за него по-настоящему, без задней мысли, будто он и правда был чем-то, за что можно радоваться.

Не начинай, сказал он себе и снова уставился в накладную. *Не начинай, Верне. Это Майрус. Она живёт в доме с консьержем. Ты живёшь в доме, где в лифте спит дядя Боря. Она протащит тебя через сессию, и на этом всё: сделка, Кесслер, бумажка в столе.*

Песня кончилась и пошла по новому кругу.

* * *

В доме Майрусов ужинали в восемь. Всегда в восемь, ни минутой позже.

Квартира была на последнем этаже новой высотки в центре: огромные окна от пола до потолка и весь город под ногами, как рассыпанные угли. В гостиной стояли белые диваны, на которых никто никогда не сидел, на столе в вазе лилии, которые меняли каждый понедельник, и тишина стояла такая, что было слышно, как на кухне гудит холодильник.

Мариэль сидела за столом и резала рыбу на очень маленькие кусочки.

Напротив сидела мама, Инесса Майрус: идеальная укладка, идеальный маникюр, идеальная спина. Она ела медленно и почти не глядя в тарелку, и смотрела на дочь так, как смотрят на картину, которую повесили чуть-чуть криво.

Отца не было, отец работал допоздна. Его место во главе стола пустовало, и пустота эта была такой же важной частью ужина, как лилии.

— Ты сегодня поздно, — сказала мама.

— Занималась в библиотеке.

— До шести?

— Перед сессией все так сидят.

— Одна?

Мариэль подняла глаза. Мама смотрела на неё спокойно и ровно. Из вопроса нельзя было понять ничего, и в этом был весь ужас: мама могла знать что угодно, а могла не знать ничего. Она всегда спрашивала так, чтобы ты сама рассказала больше, чем она знала.

— С однокурсником, — сказала Мариэль. — Декан попросил подтянуть одного по эконометрике. Перед сессией.

— Подтянуть, — повторила мама. Слово прозвучало так, будто она подняла его двумя пальцами за край. — Кого?

— Ты его не знаешь.

— Я спрашиваю не о том, знаю ли я его. Я спрашиваю, кто он.

Мариэль положила вилку.

Не ври, подумала она. *Если соврёшь, она узнает. Она всегда узнаёт.* Но и правду сказать было нельзя. Правда звучала так: Элиан Верне, с которым я провела ночь в обезьяннике и курила на крыльце дежурной части, и которого я сегодня гладила по голове в читальном зале.

— Отстающий студент, — сказала она. — С потока. Кесслер сказал, что это хорошо для моей характеристики.

Это было почти правдой, и мама это любила.

Мама едва заметно кивнула, и лицо её смягчилось, совсем немного, на полградуса.

— Это разумно. Только не трать на это слишком много времени. Ты сама не должна отставать.

— Я не отстаю.

— Твой коллоквиум по праву в понедельник — пять с минусом.

Мариэль замерла.

— Откуда ты…

— Электронный журнал, — сказала мама, отпивая воду. — Я смотрю его каждый вечер. Ты же знаешь.

Знаю, подумала Мариэль. *С седьмого класса, каждый вечер.*

— Это был минус за оформление, — тихо сказала она. — Не за содержание.

— Оформление — это тоже содержание, — сказала мама. — Особенно для женщины. Люди сначала видят, как ты выглядишь, а потом уже, что ты говоришь. Не сутулься.

Мариэль выпрямилась. Она даже не заметила, что сутулилась.

Дальше они доели в тишине. В восемь тридцать мама встала из-за стола, коснулась губами воздуха у её виска, примерно в сантиметре от кожи, так она целовала её всегда, и сказала:

— Кстати, Ловели зовут нас на Рождество. Кристиан спрашивал, будешь ли ты. Я сказала, что будешь.

— Ты не спросила меня.

— А зачем? — искренне удивилась мама. — Ты ведь будешь.

И ушла в свою спальню. Шаги её по паркету были ровные и негромкие.

Мариэль осталась сидеть за огромным столом одна, в тишине, под лилиями.

Пять с минусом, подумала она. *За оформление.* Ей ужасно захотелось закурить прямо здесь, на белом диване, на котором никто никогда не сидел, выпустить дым в лилии и посмотреть, что будет.

Вместо этого она отнесла тарелку на кухню, сполоснула её, поставила в посудомойку, хотя домработница придёт утром и сделает это сама, и ушла к себе.

* * *

Её комната была похожа на номер дорогого отеля. Всё красиво, всё на местах, и ничего не было её: белое покрывало без единой складки, учебники на полках по росту, туалетный столик с косметикой, которую выбирала мама. За окном во всю стену лежал город, огни и далёкие трубы ТЭЦ, подсвеченные красным.

Где-то там, за этими огнями, были панельки. Те, где в лифте спят люди, а во дворах катаются на тележках из «Ленты».

Мариэль села на кровать, достала из сумки сложенный вчетверо тетрадный листок и развернула его.

Кривоватая собачка смотрела вверх, высунув язык. Над ней была нарисована рука.

Мариэль поймала себя на том, что улыбается, и тут же разозлилась на себя. Но листок не убрала и смотрела на него ещё долго.

Почему у тебя хвосты, если ты вот это?

Потому что ночью работаю.

Она посмотрела на часы: двадцать минут первого. Где-то там, на складе, о котором она ничего не знала, он сейчас разгружал фуры, или сводил накладные, или спал на мешках с цементом. Она понятия не имела, как выглядит ночная смена на складе. Она никогда в жизни не работала ночью. Она никогда в жизни не работала вообще.

От этой мысли стало неловко. И стыдно, хотя она не понимала, почему.

Она взяла телефон.

У неё не было его номера. Конечно, не было, зачем? Но у неё был номер Вивьен. А у Вивьен был номер Рафа. А у Рафа был номер Элиана.

Это для дела, сказала она себе. *Чтобы присылать ему задачи на дом. Для эффективности. Для сделки.*

Она написала Вивьен.

«Виви, у тебя есть номер Верне?»

Ответ пришёл через восемь секунд.

«АААААА» «ЕСТЬ» «ЩАС У РАФА ВОЗЬМУ» «МАРИЭЛЬ» «ЭТО ПРОСТО НОМЕР ИЛИ ЭТО НОМЕР??»

«Это для учёбы».

«конечно-конечно»

Через минуту пришёл номер, а следом ещё одно сообщение:

«Раф говорит что он сейчас на складе до шести, но телефон всегда при нём» «и что если ты ему напишешь он сойдёт с ума» «это дословно» «спокойной ночи!!!»

Мариэль бросила телефон на кровать экраном вниз, будто он её укусил. Посидела, потом взяла обратно.

Сфотографировала страницу учебника, задачу из шестой главы, самую мерзкую, где даже она когда-то сидела два часа. И, не давая себе передумать, отправила на новый номер.

«Реши к среде».

Подпись она не поставила. Пусть догадается.

* * *

На складе была половина первого, а тверская фура всё не ехала. Марек материл водителя по телефону сразу на трёх языках, а Элиан сидел на штабеле газоблоков, в куртке и даже в шапке, потому что спорить с Мареком выходило себе дороже, и грел руки о стаканчик с кофе из автомата, хотя пить эту бурду, отдававшую пережжённым картоном, можно было только от безысходности. В наушниках по кругу шёл всё тот же постпанк.

Телефон в кармане вздрогнул.

Он достал его без интереса: наверное, Шмель опять что-то натворил. Или Раф спрашивает, жив ли он. Или мама, хотя мама сейчас на смене и пишет только тогда, когда что-то случилось.

Неизвестный номер. Фотография задачи. Подпись:

«Реши к среде».

Элиан смотрел на экран примерно полминуты. Потом медленно вытащил из ушей наушники. Песня продолжала тихо играть где-то у него на коленях, крошечным далёким звуком.

Нет, подумал он. *Не может быть.*

Он увеличил фотографию. На краю страницы, у самого корешка, была видна аккуратная пометка карандашом, мелкими буквами, тем почерком, который он весь вечер видел в её конспекте: «проверить знак!».

Он закрыл глаза и рассмеялся. Беззвучно, запрокинув голову к железному потолку ангара, под светом прожектора, сидя на газоблоках в минус двадцать восемь.

— Ты чего ржёшь? — подозрительно рявкнул Марек с другого конца склада.

— Мне девушка написала!

— В час ночи?

— В половине первого!

— Значит, или любит, или сумасшедшая, — сказал Марек.

Элиан сохранил номер. Подумал, как подписать. Подумал ещё. Потом напечатал: «Майрус». Стёр. Напечатал: «Принцесса». Стёр. Напечатал: «Собака Павлова». Засмеялся, стёр и это.

В итоге, после долгих колебаний, подписал просто: «М.»

Потом ответил:

«Майрус??? Ты ночью пишешь мне задачки?» «Ты знаешь, сколько сейчас времени?»

Ответ пришёл почти сразу. Значит, она держала телефон в руках и ждала.

«Ты всё равно не спишь».

«А ты почему не спишь?»

Пауза вышла долгой: три точки появлялись и исчезали, потом появлялись снова.

Не ответит, подумал он. *Сейчас пришлёт «не твоё дело» или что-нибудь ледяное.*

«Не хочется».

Он смотрел на это слово долго. Почему-то в нём было больше, чем во всех её ледяных ответах за два с лишним года.

Он перевернул мятую накладную «Монолита» и начал решать прямо на обороте, огрызком карандаша, который нашёл у Нины Петровны на столе.

Решал он минут пятнадцать. Фура всё не ехала.

Потом сфотографировал решение вместе со стаканчиком кофе и своей рукой в рабочей перчатке, которые тоже попали в кадр, и отправил.

«Держи». «Знак проверил, как ты просила»

Через минуту:

«Ты подглядывал в мои пометки?»

«Ты сама их сфоткала». «Я просто внимательный».

«Это правильно».

Он подождал. Ничего. Потом пришло:

«Это правильно, Верне. Всё правильно».

И ещё через несколько секунд:

«Умница».

Элиан сидел на газоблоках, смотрел на экран и чувствовал, как внутри у него что-то медленно, очень медленно оттаивает. Как лёд на окне, если долго дышать на одно и то же место.

Опасно, подумал он. *Очень опасно, Верне.*

И напечатал, конечно, совсем не то, что думал:

«Это без руки не считается». «Я требую гладить лично».

«Иди работай».

«Я работаю. Я разгружаю фуру. Мыслями».

«Ты сидишь и пьёшь кофе, я вижу стаканчик на фото».

«Шерлок Майрус».

«Иди. Работай».

«Пришли ещё задачку».

Пауза.

«Зачем?»

Он подумал. Честный ответ был: *потому что не хочу, чтобы ты уходила*. Вместо него он отправил:

«Фура опаздывает. Скучно». «А ещё ты не хочешь спать. Я тоже. Давай не хотеть спать вместе».

Ответа долго не было. Потом пришла новая фотография. Задача номер двенадцать из седьмой главы, той, которую они ещё даже не открывали.

Он улыбнулся. Взял карандаш.

А потом, после третьей задачи, сделал то, чего от себя не ожидал. Открыл плейлист «ночь», нашёл первую песню и отправил ей ссылку. Сова, «Первый снег».

Без подписи. Пусть догадается.

* * *

Мариэль лежала в темноте под белым одеялом без единой складки и смотрела на ссылку.

«Это что?» — написала она.

«Это то, под что я сейчас считаю твои задачи».

«Ты слушаешь музыку, когда работаешь?»

«Всегда. Без неё никак. Включи».

«Сейчас час ночи».

«Наушники, Майрус. Великое изобретение человечества».

Она полежала. Подумала, что это глупо. Что завтра в девять у неё лекция по праву, а у неё пять с минусом за оформление, а мама проверяет журнал каждый вечер.

Потом достала из тумбочки наушники и вставила их в уши.

В темноте зазвучало что-то холодное, гулкое и одинокое, и Мариэль закрыла глаза.

У них дома играли только джаз по выходным, когда приходили гости, и классика в маминой машине. А эта песня звучала так, как, наверное, звучит город внизу, на который она каждый вечер смотрела из окна, будто на витрину: разглядывать можно, а войти нельзя.

И почему-то она совершенно ясно представила себе склад, железный потолок, свет прожекторов, пар изо рта и его самого, сидящего на чём-то с карандашом в руке, со светлыми прядями, выбившимися из-под шапки. И эту же песню у него в ушах, прямо сейчас, в эту самую секунду.

Будто они слушали её вместе. Будто между её высоткой и его складом был протянут один тонкий провод.

Песня закончилась. Она поставила её снова.

Это ничего не значит, сказала она себе. *Просто песня. Просто задачи. Просто сделка.*

Она написала:

«Мрачно».

Ответ пришёл тут же:

«Честно».

«Это одно и то же?»

«У нас на районе да».

Она улыбнулась в темноте. Никто не видел, поэтому было можно.

«Спокойной ночи, Верне».

«Ты меня бросаешь? В час ночи? С фурой из Твери?»

«Спокойной ночи».

«Спокойной, Майрус». «Тысяча примеров. Я помню».

Она не ответила. Положила телефон на тумбочку экраном вниз, но наушники не вынула. Песня шла по третьему кругу, когда она уснула.

Впервые за долгое время она уснула не от усталости, а просто так.

* * *

Тверская фура приехала в два сорок.

Элиан разгружал её до пяти вместе с Мареком и двумя сонными грузчиками. Таскал мешки с сухой смесью, по пятьдесят килограммов каждый, и газоблоки, от которых к утру сводило спину. Пот замерзал на висках. Марек подбадривал всех тем, что орал, что они безрукие, ленивые и вообще позор профессии, и все прекрасно понимали, что это его способ сказать «спасибо».

В наушниках всю ночь играл один и тот же плейлист. Первая песня повторялась чаще остальных.

В шесть утра смена закончилась.

Элиан вышел из ангара за ворота «Монолита», на пустую дорогу вдоль железнодорожных путей, где в такую рань не было никого. Только фонари, рельсы и бесконечное белое ничего вокруг. Мышцы гудели, глаза слипались, а через два часа надо было вести Софи в садик, а потом, может быть, даже сходить на пару, первую за месяц. В среду проверка задач, а он уже решил все, даже лишние.

Он закурил и выдохнул дым в тёмное небо.

И тут пошёл снег.

Тихий, мягкий, редкий, совсем непохожий на декабрьскую пургу. Крупные медленные хлопья кружились в свете фонарей и ложились на рельсы, на заборы, на его плечи и шапку, и мир вокруг притих так, что было слышно, как они ложатся.

Элиан стоял посреди пустой дороги, задрав голову, и смотрел, как падает снег.

Первый снег, подумал он и усмехнулся. *Ну конечно. Конечно, сейчас.* Снег шёл уже две недели, никакой он был не первый. Но этот почему-то ощущался именно так.

Он достал телефон, сфотографировал фонарь, рельсы и падающие хлопья и отправил ей.

Ответ, конечно, не пришёл. Она спала. Хорошие девочки в шесть утра спят.

Он убрал телефон и пошёл к остановке, оставляя на свежем снегу одинокую цепочку следов.

* * *

Мариэль проснулась в семь пятнадцать от будильника. Наушник выпал из уха ночью и лежал на подушке рядом с её щекой.

Она взяла телефон. Одно новое сообщение, в шесть ноль три. Фотография: пустая дорога вдоль путей, фонарь, рельсы, и сквозь жёлтый свет медленно падает снег.

Никакой подписи.

Она долго смотрела на неё. Потом подошла к окну.

За окном шёл тот же снег. Она сфотографировала его и отправила, пока не передумала.

В комнату постучала мама:

— Мариэль, ты встала? Завтрак через десять минут. И надень серое, не чёрное. Чёрное тебя старит.

— Встала, мама.

Она положила телефон в карман халата.

Он завибрировал почти сразу. Она не стала смотреть, но весь завтрак, пока мама говорила про Ловелей, про Рождество и про то, что Кристиан защищает диссертацию весной, Мариэль чувствовала этот телефон в кармане, как тёплый камешек.

Ответ она прочитала только в лифте, когда двери закрылись и никто не мог видеть её лица.

«Значит, мы смотрим на один снег, Майрус». «Это почти свидание».

Она прислонилась затылком к зеркальной стене лифта и закрыла глаза.

Это ничего не значит, сказала она себе в который раз за сутки.

Лифт ехал вниз двадцать четыре этажа, и все двадцать четыре этажа она улыбалась.

Глава 5. Чужая кухня

На двери читального зала висел листок, приклеенный скотчем крест-накрест. Почерк был такой, что им можно было резать стекло:

«ЗАКРЫТО. ПРОРЫВ ТРУБЫ. ДО ПОНЕДЕЛЬНИКА. НЕ СТУЧАТЬ. А. Ф.»

Ниже, мельче и, кажется, с отдельным удовольствием, было приписано: «Особенно Верне».

Мариэль стояла перед дверью с сумкой, полной учебников, и чувствовала, как рушится её план на неделю. Среда, пятница, понедельник: всё было расписано, всё по правилам.

— Она меня любит, — раздалось сзади с глубоким удовлетворением. — Видишь? Персонально упомянула. Я в её сердце.

Элиан стоял, прислонившись к стене. Сегодня он был в институте второй раз за неделю, что по его меркам приближалось к подвигу. Под глазами залегли тени после ночной смены, но улыбался он так, будто выспался на неделю вперёд.

— Она тебя ненавидит, — сказала Мариэль.

— Это одно и то же. Ты же меня тоже ненавидишь.

— Вот именно.

— Ну вот, — развёл руками он. — Значит, я окружён любовью.

Мариэль развернулась к нему.

— Где нам заниматься?

— В аудитории?

— Все заняты до восьми. Я проверяла.

— Кафе?

— Там шумно, и ты будешь есть, а не решать.

— Справедливо, — признал он. — Буду. Ко мне?

Он сказал это просто, почти небрежно, будто предложил взять ручку. Мариэль на секунду решила, что ослышалась.

— Что?

— Ко мне, — повторил он. — У меня есть стол, свет и чайник. И двое младших, которые тебя сожрут, но это бонус.

— Я не пойду к тебе домой.

— Почему?

— Потому что… — Она открыла рот и закрыла. Подходящих причин было много: мама, его район, его репутация и её собственная, а ещё то, что она гладила его по голове и что ночью уснула под его песню с наушником в ухе. — Потому что это неприлично.

— Майрус, — сказал он с бесконечным терпением. — Там будет тринадцатилетний подросток, который считает, что девчонки противные, и семилетняя девочка, которая будет спрашивать тебя, сколько у тебя кукол. Это самое приличное место в городе. Приличнее только монастырь.

Мариэль смотрела на него.

Ты не пойдёшь, сказал в голове голос мамы. *Ты не пойдёшь в его дом. В тот район. К этим людям.*

А другой голос, тише и совершенно незнакомый, спросил: *Почему?*

Она подумала о квартире на двадцать четвёртом этаже: белые диваны, лилии, тишина. О том, что мама сегодня вернётся поздно и спросит «где ты была», а ответить можно что угодно, и мама проверит только журнал, а не правду.

— Хорошо, — сказала она.

У Элиана на лице мелькнуло изумление. Настоящее, неподдельное, на полсекунды. Потом его сменила улыбка.

— Хорошо?

— Только для учёбы.

— Только для учёбы, — серьёзно кивнул он. — Я буду хорошим мальчиком.

— Ты не умеешь.

— Я научусь. Ради тебя я научусь вообще всему, Майрус.

Она закатила глаза и пошла к выходу. Он двинулся следом, засунув руки в карманы и насвистывая. По дороге Мариэль написала маме: «Занимаюсь у подруги, буду в девять». Потом написала Вивьен: «Если мама спросит, я у тебя».

Вивьен ответила одними смайликами. Их было восемнадцать, и все с сердечками.

* * *

До его дома они ехали на двести седьмом. Мариэль впервые видела, чтобы этот троллейбус пришёл вовремя, и это настолько её поразило, что она чуть не вошла в заднюю дверь.

— Ты его заколдовал? — спросила она.

— Это он перед тобой выпендривается, — сказал Элиан. — Ради меня он так ни разу не старался.

Троллейбус был полупустой, с продавленными красными сиденьями, окна затянуло изморозью, и за ней медленно проплывали дворы, гаражи, детские площадки под снегом. Мариэль села у окна и протёрла в изморози маленький кружок ладонью в перчатке. Элиан сел рядом и вытащил из кармана наушники. Один вставил себе, а второй, помедлив, протянул ей.

— Что это? — спросила она.

— Культурная программа. Раз уж ты едешь в мои края.

Мариэль посмотрела на наушник в его ладони с подозрением, но взяла.

Заиграла холодная электроника с механическим, почти танцевальным ритмом, а под ним пряталась такая тоска, что у неё сжалось под рёбрами. Она смотрела в протёртый кружок на окне, где проплывали панельки, и думала, что эта музыка подходит этому городу, как ключ подходит к замку.

— Ты всегда слушаешь что-то такое? — спросила она, не оборачиваясь.

— Какое?

— Грустное. Но под которое хочется двигаться.

Он помолчал, и она краем глаза увидела, как он посмотрел на неё внимательно, будто она сказала что-то, чего он не ожидал.

— Ну, — сказал он наконец. — У нас тут так живут. Грустно, но двигаться надо.

Она слушала, прижавшись виском к холодному стеклу, и думала о том, что впервые в жизни делит с кем-то наушники в троллейбусе. Это было так обычно, что почему-то казалось совершенно невероятным.

* * *

Дом у него был обычной девятиэтажкой, такой же, как сотни других в этом районе. Серая панель в тёмных потёках, редкие жёлтые окна и детская площадка с горкой, на которой, судя по всему, катались ещё в восьмидесятых. У подъезда, несмотря на мороз, сидела старушка в пуховом платке и с таким выражением лица, будто она начальник всего двора, а может, и мира.

— Здрасьте, баба Зина, — сказал Элиан.

— Здрасьте-здрасьте. — Старушка оглядела Мариэль с головы до ног, как таможенник. — А это кто там?

— Это моя невеста, баба Зина.

Мариэль поперхнулась воздухом.

— Однокурсница, — сказала она ледяным голосом.

— Ну да, — сказала баба Зина. — Однокурсница. Вижу я, какая однокурсница. — Она прищурилась и обратилась уже лично к Мариэль: — Ты с ним осторожнее, девочка. Он хулиган.

— Я знаю, — сказала Мариэль.

— И отец его был хулиган.

На крыльце стало очень тихо. Элиан не изменился в лице ни на йоту, только пальцы, державшие дверь подъезда, побелели.

— Хорошего вечера, баба Зина, — сказал он ровно.

И пропустил Мариэль в подъезд.

* * *

В подъезде пахло кошками, жареным луком и чьими-то духами. Лифт работал, что было чудом, о котором Элиан торжественно объявил. Внутри лифта на полу лежал коврик, на стене маркером было написано «Шмель лох». Мариэль посмотрела на эту надпись, потом на Элиана.

— Это не я, — быстро сказал он.

— А кто?

— Лука. Года два назад. Шмель потом пытался стереть, но, видать, маркер под руку хороший попался.

Мариэль сжала губы, чтобы не засмеяться. Не получилось. Плечи у неё дрогнули, и он это увидел и улыбнулся тепло, с облегчением, совсем иначе, чем на крыльце.

Квартира на седьмом этаже была двухкомнатной: узкий коридор, вешалка, заваленная куртками, обувь в три слоя и детский рюкзак в виде лисы. Пахло супом и чем-то сладким, вроде печенья. Стены в прихожей были увешаны детскими рисунками: кривые домики, кошки, солнца с лучами во все стороны.

Не успели они снять ботинки, как из комнаты вылетело маленькое светловолосое существо в розовой пижаме с единорогами. Существо затормозило в полуметре от них так резко, что проехало носками по линолеуму.

— Это кто?! — спросило существо, глядя на Мариэль огромными глазами.

— Это Мариэль, — сказал Элиан. — Мариэль, это Софи.

— Привет, Софи, — сказала Мариэль.

Софи разглядывала её молча, очень внимательно, от макушки до носков. Мариэль почувствовала себя так, будто сдаёт экзамен, и испугалась, что не сдаст.

— Ты принцесса? — наконец спросила Софи.

— Нет, что ты, — улыбнулась Мариэль. — Я просто Мариэль.

— А похожа.

— Она принцесса, — сказал Элиан. — Просто стесняется признаться.

— Я знала! — торжествующе заявила Софи. — У тебя волосы как у принцессы. И пальто! Можно потрогать пальто?

— Софи, — сказал Элиан.

— Можно, — сказала Мариэль.

Софи осторожно, двумя пальцами, будто это было что-то священное, потрогала рукав её светлого пальто. Потом подняла глаза и выдала:

— А ты почему с ним пришла? Он же хулиган.

— Софи!

— Ну баба Зина так говорит!

— Мы будем заниматься, — сказала Мариэль серьёзно, присаживаясь перед девочкой на корточки, чтобы глаза были на одном уровне. — Я помогаю ему с учёбой.

— Он тупой? — с искренним сочувствием спросила Софи.

— Нет, — сказала Мариэль. — Он очень умный. Просто ленивый.

— А, — сказала Софи понимающе. — Как Лео.

— Я всё слышу! — заорал кто-то из комнаты.

* * *

Лео оказался худым тринадцатилетним подростком с тем же светлым цветом волос и тем же прищуром, что у старшего брата. Он вышел в коридор, сунув руки в карманы, оглядел Мариэль и скептически поднял бровь.

— Здрасьте, — сказал он нарочито небрежно.

— Привет, — сказала Мариэль.

— А ты с ним, типа, встречаешься? — спросил Лео, старательно глядя куда-то мимо.

— Нет, — мягко сказала Мариэль. — Мы вместе учимся. Я помогаю ему подготовиться к сессии.

— Ага, — сказал Лео тем тоном, каким его брат говорил «ага», и Мариэль едва не рассмеялась от этого сходства. — Подготовиться. Ладно. — Он помолчал и с самым невинным видом добавил: — Только учти, он во сне разговаривает. Про эконометрику, наверное. Там какая-то Майрус всё время.

— Лео, — очень спокойно сказал Элиан. — Уроки.

— Сделал уже.

— Значит, сделай ещё раз.

Лео удалился с видом победителя, но дверь в комнату оставил приоткрытой ровно настолько, чтобы всё слышать.

* * *

Кухня была маленькой, метров шесть: старый гарнитур с облупившимися углами, холодильник в магнитах из городов, где, кажется, никто из этой семьи не бывал, герань на подоконнике, упрямо цветущая назло декабрю и щелям в раме, и стол у окна под клеёнкой в мелкий цветочек. Над столом висела лампа с абажуром, тёплая и жёлтая, какие бывают только в таких кухнях.

Мариэль стояла на пороге и смотрела на всё это.

Как здесь помещаются четыре человека? подумала она. И тут же, без перехода, подумала другое, совершенно невозможное: *Здесь тепло.*

Из окна, правда, ощутимо дуло, и батареи едва грели, но тепло здесь шло от другого: в этой кухне жили. Кто-то посадил на клеёнку пятно от какао и не стал его оттирать, кто-то бросил на спинку стула детский свитер.

У них дома было семь комнат, и в каждой стоял музейный порядок.

— Садись, — сказал Элиан, ставя чайник. — Чай, кофе? Есть какао, но это Софин, она за него убьёт.

— Чай, — сказала Мариэль.

Она села за стол, разложила учебники и посмотрела, как он ходит по кухне, быстро и точно, будто делал это сто раз в день. Наверное, и делал. Он достал из шкафчика две чашки, простую белую и ещё одну, с надписью «Лучший брат» и сколотой ручкой. Белую поставил перед ней, а сколотую забрал себе.

— Эту мне Софи на день рождения подарила, — сказал он, поймав её взгляд. — Сама выбирала. Ручку потом сама же и отбила, но пью я теперь только из неё, а то обидится.

— А ты ей что подарил?

— Фломастеры. И косу каждое утро.

Мариэль поскорее уткнулась в учебник.

Каждое утро, повторила она про себя. Её в семь лет причёсывала домработница, а мама проверяла результат, и косу ей просто так не заплетал никто и никогда.

Он поставил перед ней чай, сел напротив и положил перед собой тетрадь.

— Ну, — сказал он. — Мучай меня.

* * *

Они занимались два часа.

Он решал быстро и чисто. В читальном зале Мариэль начинала с азов, а здесь бросала ему самые сложные задачи из конца учебника, просто чтобы посмотреть, где у него закончится.

Потолок всё не находился. Он спотыкался, ругался, зачёркивал, иногда коротко и точно о чём-то спрашивал, но всегда дорешивал.

Это даже нечестно, думала она, глядя, как он грызёт карандаш над задачей, над которой она на втором курсе сидела вечер. *Я три года работала, чтобы так понимать. А он просто… понимает.*

Только злиться почему-то не получалось: ей нравилось смотреть, как он соображает. Он решал всем телом, хмурился, барабанил пальцами по столу, беззвучно шевелил губами, а когда находил ответ, глаза у него загорались, как у мальчишки, у которого с десятой попытки наконец завёлся старый мопед.

В какой-то момент Элиан вытащил телефон и включил музыку тихо, через динамик, чтобы фоном.

— Тебе мешает?

— Нет, — сказала она. И удивилась тому, что правда не мешает.

Играл тот самый плейлист, «ночь», и Мариэль сама не заметила, как начала постукивать ручкой в такт.

А потом заиграла новая песня, медленная и тёплая, с неожиданно нежной мелодией.

Элиан, который как раз записывал ответ, замер, и у него дёрнулась рука. Он схватил телефон и быстро, слишком быстро переключил песню.

Но она уже успела посмотреть на экран. Сова, «Остаться».

Мариэль отложила ручку.

— Это что было? — медленно спросила она.

— Ничего. — Элиан уткнулся в тетрадь, будто дописывал ответ.

— Ты переключил.

— Плохая песня. — Он перевернул страницу, хотя на старой не дописал и половины.

— Ты чуть телефон со стола не смахнул.

Он поднял на неё глаза и сделал невинное лицо.

— Это Шмель мне закинул. Он сам такое слушает. Понятия не имею, как она туда попала.

— Шмель?

— Шмель, — с серьёзным видом кивнул Элиан. — Он романтик. В душе. Очень глубоко в душе.

Мариэль смотрела на него долго, прищурившись. Он смотрел в ответ, честно-честно, и даже не моргал.

У него горели уши. Это было видно даже под светлыми волосами, которые на них падали.

— Включи обратно, — сказала она и протянула руку к телефону.

Элиан накрыл его ладонью.

— Майрус, это ужасная песня. Там слова глупые.

— Вот и послушаю, какие.

Она потянулась через стол, он отодвинул телефон подальше, к самой герани, и тут его осенило.

— Нельзя. Правило номер два: никакого флирта на занятиях. А там вся песня сплошной флирт.

Мариэль так и застыла с протянутой рукой. Поймал её же правилом.

— Флиртуешь же не ты, а песня, — сказала она наконец.

— Песня в моём телефоне, значит, я. Не, не могу так рисковать. Ты мне нос сломаешь.

Она смотрела на его горящие уши, и ей стало ужасно смешно. Она уронила голову на руки, прямо на учебник, и засмеялась в голос, громко и совершенно неприлично, как ни разу не смеялась за ужином у Ловелей.

Он смотрел на неё и тоже начал смеяться. Сначала неуверенно, потом по-настоящему.

Из комнаты донёсся голос Лео:

— Вы там чего ржёте? Это эконометрика такая смешная?

— Очень! — крикнул Элиан.

— Тогда я тоже хочу эконометрику!

— Тебе рано, у тебя ещё дроби!

Элиан смотрел, как она смеётся, уткнувшись в его учебник, на его кухне, под его жёлтой лампой, и не мог насмотреться. Она его не видела, и можно было не держать лицо. Он осторожно отодвинул от её локтя чашку, чтобы не опрокинула, и едва удержался, чтобы не убрать ей за ухо выбившуюся прядь: такая она сейчас была смешная, растрёпанная и живая.

Остаться бы вот так, думал он. *С тобой вдвоём. Без Кесслера, без сделки, без твоей мамы с её журналом. Ты, я и эта лампа, и больше ничего не надо.*

* * *

Около шести на кухню бочком пробралась Софи, в той же пижаме с единорогами, с расчёской в одной руке и тремя резинками в другой.

— Мариэль, — сказала она с серьёзностью человека, пришедшего на переговоры. — А ты умеешь плести косы?

— Софи, — предупреждающе сказал Элиан. — Мариэль занята.

— Я спрашиваю её, а не тебя!

— Умею, — сказала Мариэль.

На самом деле она умела делать только идеальный пучок, потому что этого требовала мама, и простую косу. Но Софи смотрела на неё с такой надеждой, что сказать «нет» было невозможно.

— А можешь как у принцессы? — Софи протянула ей расчёску. — Элиан всегда делает одну косу. Скучную. А я хочу как у Эльзы.

Днём Софи в который раз пересматривала по телевизору «Холодное сердце» и теперь была совершенно уверена, что красивее Эльзы никого на свете нет, а главное в ней — коса.

— Моя коса не скучная, — оскорбился Элиан. — Она классическая.

— Она скучная, — повторила Софи.

Мариэль развернула стул, и Софи немедленно забралась к ней на колени спиной, привычно, будто делала это сто раз. Мариэль замерла. Маленькое тёплое тело у неё на коленях пахло детским шампунем и печеньем, а светлые тонкие волосы были мягкие, как у брата.

Как у брата, подумала она и тут же покраснела.

Она начала плести медленно и осторожно, вспоминая колосок, который когда-то видела на картинке: прядь слева, прядь справа, подхватить снизу.

Элиан сидел напротив, подперев голову рукой, и молча смотрел на них, на её сосредоточенно сведённые брови, на тонкие пальцы, которые путались в Софиных прядях и терпеливо начинали заново. Так бережно с его сестрой обращалась только мама.

Мариэль чувствовала этот взгляд кожей, но не поднимала глаз. Боялась, что если поднимет, то увидит в его лице что-то, к чему совершенно не готова.

— Готово, — сказала она наконец, затягивая резинку.

Получилось неидеально: колосок чуть съехал в сторону, одна прядь выбилась. Мама за такое сказала бы: «Переделай».

Софи сползла с колен, подбежала к тёмному кухонному окну, в котором, как в зеркале, отражалась кухня, и долго крутила головой.

— Это самая красивая коса в мире, — торжественно объявила она.

Она же кривая, подумала Мариэль.

— Она самая красивая, — повторила Софи с той непреложной уверенностью, на которую способны только семилетние. Потом подбежала, обхватила Мариэль руками за шею и влажно чмокнула в щёку. — Ты приходи ещё. Ты лучше, чем Элиан.

И умчалась показывать косу Лео.

Мариэль сидела, не шевелясь. На щеке было мокро и тепло. Так, по-настоящему, её в последний раз целовали, кажется, лет в пять.

Она подняла глаза.

Элиан смотрел на неё через стол без улыбки, очень тихо и очень открыто, и в его тёмных глазах под жёлтой лампой было столько всего, что она не смогла выдержать и секунды.

— Она права, — сказал он негромко.

— В чём?

— Ты лучше.

Мариэль уставилась в учебник так, будто от этого зависела её жизнь.

— Решай двенадцатую.

— Я её уже решил.

— Тогда тринадцатую.

— И тринадцатую.

— Тогда… — Она перелистнула страницу, не глядя. — Тогда что-нибудь ещё реши.

Он только подвинул к себе тетрадь и начал решать что-то ещё, совершенно наугад. А она сидела, смотрела, как падает снег за тёмным кухонным окном, и думала, что ей совсем не хочется уходить.

* * *

В двадцать минут седьмого в замке повернулся ключ.

Элиан вскинул голову:

— Мама? Ты же до девяти.

В прихожей что-то упало, потом раздался усталый женский голос:

— Отпустили пораньше, у нас Вера вышла с больничного. Софи! Ты почему в пижаме в шесть вечера? Леон, почему у тебя опять…

Голос оборвался. Ирэн Верне застыла в дверях кухни, в куртке и шапке, с пакетом из «Магнита» в руке. Она смотрела на Мариэль, сидящую за её кухонным столом с чашкой в руках.

Мариэль встала, быстро и прямо, как её учили вставать, когда входят взрослые.

— Здравствуйте. Я Мариэль. Мы с Элианом… занимаемся. Эконометрикой.

Щёки у неё горели. Она пришла в чужой дом без спросу, хозяйка её не звала и даже не знала о ней, а теперь застала у себя на кухне незваной гостьей, которой Мариэль, в общем-то, и была. Пальцы сами сцепились перед собой, как перед экзаменатором.

Ирэн долго смотрела на неё, на светлое пальто на спинке стула, на идеальную осанку, на учебники. Потом перевела взгляд на сына.

Такого лица она у сына ещё не видела: он сидел напряжённый, как струна, и смотрел на неё почти с мольбой. *Только не говори ничего. Пожалуйста. Только не надо.*

О, подумала Ирэн. *Ох, сынок.*

Всю жизнь он прятался за улыбкой, а сейчас её не было, и прятаться было не за что.

— Здравствуй, Мариэль, — сказала Ирэн мягко и поставила пакет на пол. — Очень приятно. Ты голодная?

— Нет, спасибо, я…

— Голодная, — уверенно сказала Ирэн, стягивая шапку и приглаживая примятые волосы. — Я по лицу вижу, все студенты голодные. — Она перевела взгляд на сына и строго сощурилась. — Элиан, ты её чаем поил? Только чаем? Два часа?

— Мам… — Элиан страдальчески закатил глаза.

Ирэн уже не слушала. Она расстегнула куртку, повесила её на крючок у двери, подняла с пола пакет и выудила оттуда сетку картошки и пару луковиц.

— Сейчас будет картошка. Жареная, с луком. — Она посмотрела на Мариэль поверх пакета. — И не отказывайся, у нас так не принято.

Правильно было бы вежливо отказаться: дома её ждали к девяти, а жареная картошка с луком не входила ни в одну из диет, которые мама расписывала ей с четырнадцати лет. Мариэль уже открыла рот, чтобы так и сказать.

— Спасибо, — сказала она. — С удовольствием.

* * *

Картошку Ирэн жарила на старой чугунной сковородке, такой тяжёлой, что её, наверное, можно было использовать как оружие. Кухня наполнилась запахом лука и масла. Софи немедленно вернулась и уселась на табуретку рядом с Мариэль, показывая маме косу. Лео пришёл «просто попить воды» и остался, прислонившись к холодильнику. Элиан сидел молча, что для него было почти болезнью, и смотрел то на мать, то на Мариэль, то в окно.

Ирэн расспрашивала ненавязчиво, так, как спрашивают медсёстры, когда меряют давление: на каком курсе, откуда, нравится ли учиться. Мариэль отвечала сначала коротко и вежливо, как всем взрослым, а потом, к собственному удивлению, всё длиннее.

— А родители кто у тебя? — спросила Ирэн, раскладывая картошку по тарелкам.

Мариэль на секунду замерла.

— Отец в бизнесе. Мама… дома.

— Хорошо, — кивнула Ирэн, ничего не уточняя. — Значит, у тебя есть кому о тебе заботиться.

Мариэль опустила глаза в тарелку.

— Да, — сказала она.

Нет, подумала Ирэн, внимательно глядя на эту красивую, прямую, безупречную девочку, которая ела жареную картошку так, будто впервые в жизни ела что-то горячее. *Нет, малыш. О тебе никто не заботится.* Она видела таких в больнице. Хорошо одетые, вежливые, с идеальной осанкой, и ни одного родственника в часы посещения.

Картошка была слишком солёной, лук пригорел с одного края, а тарелка была с маленькой трещиной по ободку.

Мариэль казалось, что ничего вкуснее она в жизни не ела.

* * *

В семь Элиану надо было на склад. Он проводил её до остановки, через тёмный двор, мимо горки из восьмидесятых, мимо бабы Зины, которая всё ещё сидела у подъезда и проводила их таким взглядом, будто записывала в протокол.

Снег падал тихо и крупно, как утром, фонари стояли в оранжевых облаках.

Они шли молча, и молчать с ним было легко, как тогда, на крыльце дежурной части. Это всё ещё было странно, но уже меньше.

— Ты прости за маму, — сказал он наконец, пиная носком ботинка снежный ком. — Как увидит голодного человека, её уже не остановить. И за Софи с её пальто. И за бабу Зину. И за лифт со Шмелём заодно.

Мариэль спрятала подбородок в шарф, чтобы он не заметил, что она улыбается.

— Верне, хватит извиняться. Тебе не идёт.

Он остановился и посмотрел на неё сверху вниз. Снег ложился ему на волосы, на плечи, на ресницы.

— Тебе у нас… — Он замялся, и она впервые видела, чтобы он не мог подобрать слова. — Ну, не дико было?

Мариэль вспомнила, как его мать сказала «у нас так не принято» и сколько в этих словах было заботы.

— Дико, — честно призналась она.

Плечи у него едва заметно опустились.

— У меня дома так никто не разговаривает, — тихо добавила она. — Я просто не знала, что бывает по-другому.

Он поднял на неё глаза.

Она смотрела не на него, а куда-то в сторону, на тёмные окна панельки, на жёлтые квадраты, где кто-то жил. Профиль у неё был ровный и упрямый, но губы чуть дрожали, то ли от мороза, то ли нет.

Элиан очень хотел сказать что-то настоящее, без шутки. «Приходи ещё». Или «останься», как в той песне, которую он переключил на кухне.

Вместо этого он вытащил из кармана наушники, один вставил себе, а второй протянул ей.

Она посмотрела на наушник, потом на него и взяла.

Где-то вдалеке, сквозь снег, зажглись фары двести седьмого. Они стояли на остановке плечом к плечу, связанные тонким проводом, и слушали одну песню на двоих. Ту самую, с кухни. Он включил её молча, не глядя на неё.

Мариэль слушала, глядя на приближающиеся фары, и чувствовала, как он рядом затаил дыхание. Тогда она чуть сильнее прижалась плечом к его плечу.

Троллейбус подъехал, распахнул двери. Она вынула наушник и вложила ему в ладонь. Её пальцы задержались на его пальцах на долю секунды.

— Библиотека до понедельника закрыта, — сказала она, глядя куда-то мимо него. — А в пятницу у нас занятие.

— Знаю. — Он сделал задумчивое лицо. — Придётся опять ко мне. Какое несчастье.

Она шагнула в троллейбус. Двери начали закрываться.

— Верне!

— Что?

— Это была не Шмеля песня! — крикнула она через закрывающиеся двери.

Он открыл рот, но двери уже сомкнулись.

Сквозь затянутое изморозью стекло он видел её силуэт, светлое пальто и маленький протёртый ладонью кружок на окне. В этом кружке на секунду появилось её лицо. Так она при нём ещё ни разу не улыбалась.

Троллейбус уехал.

Элиан стоял на остановке под снегом и смотрел ему вслед, пока красные огоньки не растворились в метели. Вот бы так каждый вечер, подумалось ему, только уже по-другому: чтобы она шла рядом, держа его под руку, чтобы её ладонь грелась у него в кармане вместе с его ладонью, а на остановке можно было притянуть её к себе и стоять так, пока не придёт двести седьмой, просто потому, что можно. Ладонь ещё помнила, где на ней задержались её пальцы.

До пятницы два дня, подумал он. *Целая вечность.* И заулыбался, как дурак, один посреди пустой остановки.

Потом засунул в уши оба наушника и дослушал песню до конца.

* * *

Мариэль приехала домой в девять ноль одну.

Мама стояла в прихожей. Она посмотрела на часы, потом на дочь, и медленно, очень медленно втянула носом воздух.

— Почему от тебя пахнет жареным луком? — спросила Инесса Майрус.

Мариэль сняла пальто, аккуратно повесила его на плечики и выпрямила спину.

— Мы у Вивьен ужинали, — сказала она спокойно. — Её мама готовила.

Мама смотрела на неё ещё секунду, потом сказала:

— Не ешь такого больше. Это вредно для кожи.

И ушла.

Мариэль осталась в огромной белой прихожей одна. Пальто, волосы и руки пахли луком и маслом. Запах чужой маленькой кухни, где было тепло.

Не буду, подумала она.

И знала, что соврала.

Глава 6. Старое кино

Библиотеку, конечно, не починили.

В пятницу на двери читального зала висел новый листок, поверх старого, ещё злее и короче: «ТРУБА. ПОНЕДЕЛЬНИК. МОЖЕТ БЫТЬ. А. Ф.». Приписки про Верне на этот раз не было.

— Она меня разлюбила, — скорбно сказал Элиан, разглядывая листок. — Я в трауре.

Мариэль стояла рядом с сумкой, полной учебников, и молчала. Он покосился на неё и откашлялся. Эту речь он готовил с самой среды, а по дороге в институт прогнал её в голове раз пять.

— Слушай, Майрус. Насчёт сегодня. — Он прислонился плечом к косяку, засунув руки в карманы, чтобы она не заметила, что ему некуда их деть. — Дома у меня аншлаг: к Лео пришли друзья с приставкой, Софи разучивает песню к утреннику на всю квартиру. Там не то что эконометрику, таблицу умножения не вспомнишь.

Мариэль подняла бровь и ничего не сказала.

— Поэтому есть встречное предложение. — Он вытащил из кармана мятый листок, сорванный, судя по обрывкам скотча, с какой-то доски объявлений, и разгладил его о колено. Сверху красовалось «НЕДЕЛЯ КИНО 90-х. КИНОТЕАТР «ОКТЯБРЬ»». — Сегодня в семь крутят «Брата». Эконометрику ты из меня уже всю выбила, пора поднимать культурный уровень.

Он протянул ей листок и быстро добавил:

— Это не свидание, если что. Это повышение квалификации.

Мариэль смотрела на мятую афишку у себя в руках, будто там было написано, что ответить.

Кино с ним, в пятницу вечером. На сделку с Кесслером это уже совсем не походило, и мама назвала бы это одним коротким словом, а потом посмотрела бы так, что дальше и говорить не о чем. *Правило номер два*, напомнила она себе. *Никакого флирта на занятиях.* Только кино ведь не занятие, подсказал кто-то внутри, и она тут же разозлилась, что ищет лазейку в собственных правилах. Ещё можно было сказать, что у неё коллоквиум, что она устала, что «Брат» — это про бандитов. Всё это было бы правдой.

Только ей хотелось пойти.

— Во сколько? — спросила она.

Элиан открыл рот и закрыл. Второй аргумент, про то, что «Брат» входит в культурный минимум любого экономиста, у него стоял наготове. За ним шёл третий, про буфет с самыми дешёвыми в городе пирожками, и даже четвёртый, на самый крайний случай, про Кесслера. Ни один не понадобился.

— В… семь, — выговорил он. — То есть в половине седьмого. У входа.

— Хорошо. — Она поправила ремешок сумки. — И не опаздывай.

Развернулась и ушла по коридору, ровно стуча каблуками.

Элиан смотрел ей вслед так долго, что Шмель, проходивший мимо, помахал у него перед лицом рукой и спросил, не умер ли он.

— Почти, — сказал Элиан.

— От чего?

— От счастья, Шмель. Это редкая болезнь. Тебе не грозит.

— Почему это не грозит?

— Потому что ты в тележке катаешься.

Шмель долго думал над этой фразой и так и не понял, обиделся он или нет.

* * *

Кинотеатр «Октябрь» стоял на углу двух старых улиц, с колоннами и облупившейся лепниной, похожий на пожилого швейцара, который давно никого не ждёт, но спину всё равно держит. Над входом горела вывеска из красных букв, старая, с тех времён, когда сюда ходили на свидания ещё их родители.

Элиан ждал под козырьком, переминаясь с ноги на ногу, как всегда без шапки.

Мариэль пришла ровно в половине седьмого. Маме она сказала, что готовится к коллоквиуму у Вивьен, а Вивьен прислала в ответ двадцать три сердечка и приписку: «прикрою, иди уже!!!»

— Пришла, — сказал Элиан так, будто до последней секунды в этом сомневался.

— Мы же договорились.

— Ну да. — Он расплылся в улыбке. — Просто проверял, не мерещишься ли ты мне.

В фойе пахло пылью, старым бархатом и жареной кукурузой. Пока Мариэль разглядывала выцветшие фотографии актёров на стене, Элиан успел отстоять очередь в буфет и вернулся, пряча что-то за спиной.

— Закрой глаза.

— Нет.

— Ладно, не закрывай. — Он с торжественным видом вручил ей шоколадку. — Молочная, с орехами. Глюкоза для мозга. Говорят, без неё отличницы звереют и начинают ломать людям носы.

Мариэль прищурилась.

— Кто говорит?

— Тот бедолага из дежурки. Я видел его нос, мне хватило.

Мама такой шоколад называла «мусором для бедных», а дома в стеклянной вазе месяцами лежал швейцарский горький, который никто не ел, потому что он был горький. Мариэль сорвала обёртку и отломила кусок. Шоколад оказался сладким до неприличия и очень вкусным.

Элиан тут же уставился на афишу, будто впервые в жизни увидел слово «сеанс», но краем глаза она видела, что он улыбается.

— А это тебе. — Он полез во внутренний карман куртки и достал сложенный вчетверо альбомный лист. — От Софи. Велела передать лично в руки, а то ты подумаешь, что она тебя забыла.

Мариэль развернула лист. Фломастерами, с таким нажимом, что кое-где бумага протёрлась, там были нарисованы жёлтый треугольник, рядом что-то длинное, светлое и кривое, а между ними коричневый домик с трубой. Из трубы завитушкой валил дым, у крыльца росли кусты в красный горошек.

— Это ты, — Элиан ткнул пальцем в треугольник. — В пальто. А это я. Похож, скажи?

— Одно лицо.

— Вот и Софи так считает. — Он перевёл палец на домик. — А это дача, дедова. Там летом малина, мыши и речка, и Софи уверена, что лучше места на свете нет. Тебя она туда уже записала, кстати. Велела спросить, поедешь ли с нами летом.

Мариэль провела пальцем по кривому дыму из трубы.

— Посмотрим.

— Софи говорит, что «посмотрим» значит «да».

— Софи семь лет.

— Вот поэтому ей и виднее, — невозмутимо сказал Элиан.

Рисунок Мариэль сложила вдвое, бережно, по самой линии, и убрала во внутренний карман сумки, к собачке Павлова, туда, где лежали её тайны. Карман становился тесным.

* * *

Зал был маленький, мест на двести, и заняли от силы тридцать: пенсионеры парами, компания студентов на последнем ряду и одинокий дед с термосом. Кресла скрипели, бархат на подлокотниках вытерся до блеска, а экран чуть желтил, как старая фотография.

Они сели в середине. Свет погас, что-то застрекотало, и по экрану поплыли серые питерские дворы.

Мариэль этого фильма ни разу не видела. Мама называла такое кино «бандитским» и переключала канал, стоило на экране мелькнуть кожаной куртке. А здесь, в темноте, под скрип кресел и покашливание стариков в первом ряду, ей неожиданно понравилось: и этот тихий парень с плеером, и серый город, и музыка.

Минут через двадцать Элиан со вкусом потянулся, зевнул и как бы между делом опустил руку на спинку её кресла, а оттуда ей на плечо.

Мариэль, не отрывая глаз от экрана, взяла его руку двумя пальцами за запястье и вернула ему на колено.

— Правило номер два, — шепнула она.

— Мы же не на занятиях, — шепнул он в ответ.

— Тем более.

Он вздохнул так горестно, что дед с термосом обернулся.

Шоколадку они доели на середине фильма, передавая её друг другу в темноте и каждый раз задевая пальцы.

— А ты вообще чего-нибудь боишься, Верне? — шепнула она, когда на экране кто-то в очередной раз полез за обрезом. — Ну, кроме Аглаи Францевны.

Он помолчал.

— Пауков, — признался он наконец еле слышно. — Только никому. Летом на даче один свалился на меня с потолка, и я взлетел на стул быстрее, чем успел подумать. Софи потом неделю всем показывала, как я визжал.

Мариэль прыснула в шарф. Дед с термосом обернулся снова.

— А с виду и не скажешь, что ты чего-то боишься.

— Я и не боюсь, Майрус. Ничего. Кроме пауков.

Ближе к концу, когда на экране Данила снова пришёл к своей Свете, она наклонилась к нему опять.

— Почему она от мужа не уходит? — шепнула она, глядя на экран. — Он же её не любит. За неё всё решили, и она так и живёт, как будто по-другому нельзя.

Элиан ответил не сразу.

— Наверное, ей просто никто не говорил, что можно по-другому, — тихо сказал он. — Никто не спросил, чего она сама хочет.

Мариэль ничего не сказала. Экран отсвечивал серым, и в этом свете она видела его профиль, непривычно серьёзный.

Тогда он снова, медленно и осторожно, как подходят к пугливой птице, положил руку ей на плечо и замер, дожидаясь, что её снова снимут.

Она не сняла. Только подалась к нему, совсем чуть-чуть, на какой-то сантиметр, и так они и досидели до самых титров, пока в зале не зажёгся свет.

Элиан всё это время боялся пошевелиться. Пауков он, оказывается, боялся куда меньше.

* * *

Из «Октября» они вышли последними, когда буфетчица уже гремела ключами. Снова пошёл снег, и над красной вывеской кружились крупные хлопья.

До остановки шли молча. Элиан достал наушники и протянул ей один, уже не спрашивая. Заиграла Перемотка, «Старое кино».

— Ты это специально, — сказала Мариэль.

— Совпадение, — честно-честно ответил он.

Песня была тёплая и чуть грустная, как весь этот вечер, как старый зал с вытертым бархатом, и Мариэль дослушала её до последней ноты, хотя ноги давно замёрзли.

— Выходные? — спросил он.

— У нас гости в воскресенье.

— Какие гости?

— Скучные, — сказала она. И, помолчав, добавила: — Ловели.

— Кто это?

— Друзья семьи.

— Это те, у которых этот… — он пощёлкал пальцами, — аспирант?

Мариэль быстро повернула голову.

— Откуда ты знаешь?

— Вивьен сказала Рафу, Раф сказал мне. Ты что, не знала, что у нас тут работает разведка? — Он ухмыльнулся, но глаза у него были внимательные. — Кристиан, кажется? С идеальной стрижкой?

— Ты видел его стрижку?

— Не-а. Но у всех Кристианов идеальная стрижка, это закон природы.

Мариэль фыркнула, но смех тут же угас, и какое-то время она молча смотрела на пустую дорогу.

— Он хороший, правда, — сказала она наконец, будто убеждала не его, а себя. — Вежливый, умный, с ним никогда не бывает неловко.

— Ага, — сказал Элиан.

— Мама его любит.

— А ты?

Мариэль ничего не ответила. Двести седьмой показался из-за поворота, огни медленно выплыли из темноты. Она шагнула к краю тротуара.

— Майрус.

Она обернулась.

Он стоял, засунув руки в карманы, и улыбался, как всегда. Только улыбка держалась как-то неуверенно, будто приклеенная.

— Если они будут совсем скучными, — сказал он, — пиши. Я буду на складе. Мне тоже скучно. Будем скучать вместе.

— Мы будем «не хотеть спать вместе»?

— И это тоже.

Она шагнула в троллейбус, и двери закрылись. Кружок на окне она в этот раз протирать не стала, но он всё равно стоял на остановке, пока троллейбус не исчез.

* * *

В воскресенье в доме Майрусов с самого утра шла подготовка, как к осаде.

Домработница Тамила приехала в восемь и до обеда натирала паркет, который и так блестел. Из ресторана привезли устрицы и утку. Мама трижды переставила лилии, сначала на стол, потом на подоконник, потом снова на стол. Отец с утра заперся в кабинете и выходил оттуда только за кофе, с лицом человека, которому предстоят тяжёлые переговоры.

В одиннадцать мама постучала к Мариэль в комнату.

— Я принесла тебе платье, — сказала она.

На вешалке в чехле висело платье. Светло-серое, почти белое, длинное, с высоким воротом и длинными рукавами. Очень красивое, очень дорогое и очень закрытое.

— У меня есть синее, — сказала Мариэль.

— Синее ты уже надевала у Ловелей. Нельзя дважды в одном. — Мама повесила платье на дверцу шкафа и разгладила складку на чехле. — Это тебе больше пойдёт. Светлое. Свежее.

Она посмотрела на дочь. Долго, оценивающе, с головы до ног. Мариэль стояла в домашних брюках и старой футболке, той, что когда-то купила сама, на распродаже, и которую мама называла «тряпкой».

— Волосы соберёшь, — сказала мама. — Низкий пучок. Никаких локонов, это вульгарно. Помада нюдовая. И, Мариэль…

— Да?

Мама помолчала. Потом подошла к ней ближе, взяла за подбородок, мягко, кончиками пальцев, и повернула её лицо к свету из окна. Посмотрела, как смотрят на камень у ювелира.

— Ты сегодня очень много значишь, — сказала она тихо. — Ты понимаешь?

— Это просто ужин, мама.

— Это не просто ужин. — Мама отпустила её подбородок. — Августу важен этот союз. Ловели — старая семья, у них связи, у них имя. Кристиан защитится весной. Ему предлагают кафедру. Это человек, рядом с которым у тебя будет будущее.

— Мне двадцать.

— Мне было девятнадцать, когда я вышла за твоего отца. — Мама улыбнулась, и в улыбке было что-то ледяное. — И, как видишь, всё сложилось.

Сложилось, подумала Мариэль, глядя на неё. На идеальную укладку, на идеальную спину. На пустое место во главе стола каждый вечер. На поцелуи в сантиметре от кожи.

— Кристиан — из правильной семьи, — продолжала мама. — И он… — Она чуть помедлила, подбирая слова. — Он из тех мужчин, которые ценят девушек, которые себя берегли. Таких сейчас мало, Мариэль. И девушек таких мало. Ты — одна из них. Я об этом позаботилась.

Мариэль почувствовала, как у неё холодеют пальцы.

— Позаботилась, — повторила она.

— Ты понимаешь, о чём я. — Мама поправила ей прядь у виска. — Я столько лет следила, чтобы ты не связалась с кем-то не тем. Чтобы ты была чистой. Не только в оценках. Во всём. Мужчины вроде Кристиана это видят. Это ценится, Мариэль. Это твоя самая большая ценность.

Ценность, подумала Мариэль. Слово было гладким и холодным, как устрица на льду.

— Я товар? — спросила она тихо.

Мама посмотрела на неё с лёгким удивлением, будто дочь сказала что-то бестактное за столом.

— Не говори глупостей. Ты моя дочь. Я хочу для тебя лучшего. — Она направилась к двери. — В шесть. Не опаздывай. И не сутулься.

Дверь закрылась.

Мариэль осталась стоять посреди комнаты. Платье висело на шкафу в чехле, светлое и невинное, как свадебное.

Она подошла к окну. Внизу лежал город: высотки, проспекты, а далеко за ними, в дыму, панельки и трубы ТЭЦ. Где-то там, за всем этим, был старый кинотеатр с красной вывеской, кухня с жёлтой лампой и Софи со своими коричневыми домиками.

Она достала телефон. Открыла сообщения. Контакт у неё был подписан не по имени. В среду вечером, в троллейбусе, она переименовала его, сама не зная зачем, и теперь там стояло: «Тысяча примеров».

Она написала:

«Мне прислали платье».

Ответ пришёл через минуту. Значит, не спал после смены. Или спал и проснулся от её сообщения.

«Красивое?»

«Очень». «Как саван».

Пауза. Три точки.

«Майрус. Ты в порядке?»

Она смотрела на этот вопрос. Простой, три слова и знак вопроса. Мама не спросила ни разу за всё утро. Отец не спросил ни разу за двадцать лет.

«Да», — написала она.

И, подумав, добавила:

«Расскажи что-нибудь смешное».

Он рассказал, сообщение за сообщением. Как ночью в ангар залетел голубь и Марек полчаса гонялся за ним с метлой, ругаясь на трёх языках, пока голубь не уселся ему прямо на лысину, и Марек так и застыл посреди склада, боясь пошевелиться, а ребята рыдали от смеха за газоблоками. Как Шмель в девятом классе приручал ворону и до сих пор божится, что она его узнаёт. Как пятилетний Лео проглотил арбузное семечко и три дня гордо ходил, держась за живот, в ожидании арбуза.

Мариэль читала, поджав колени на подоконнике, и смеялась в рукав, тихо, чтобы не услышали за дверью. Платье в чехле висело на шкафу и терпеливо дожидалось шести вечера.

* * *

Ловели приехали ровно в шесть.

Пётр Ловель, отец, был седой, громкий и рукопожатный. Его жена Элеонора, тонкая, холёная, обвешанная жемчугом, расцеловала маму в обе щеки, а Мариэль в одну, тоже в сантиметре от кожи. Кажется, это было у них общее.

И Кристиан. Тёмно-синий костюм, белая рубашка, идеальная стрижка. *Закон природы*, подумала Мариэль и едва не засмеялась прямо в прихожей.

— Мариэль, — сказал Кристиан, целуя ей руку. Не губами, конечно, только наклоняя голову над пальцами. — Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо, — сказала она.

— Это платье тебе очень идёт.

— Его мама выбрала.

— У твоей мамы безупречный вкус, — улыбнулся Кристиан, и мама за её спиной благосклонно кивнула.

За ужином говорили о бизнесе, о политике, о том, где лучше отдыхать в феврале, в Альпах или на Мальдивах. Отец и Пётр Ловель обсуждали какой-то контракт. Мама и Элеонора обсуждали чью-то свадьбу. Кристиан сидел рядом с Мариэль, на месте, которое явно для него и готовили, и вежливо интересовался её учёбой.

— Говорят, ты взяла шефство над отстающим студентом? — спросил он.

Мариэль замерла с вилкой в руке.

— Кто говорит?

— Твоя мама упоминала, — сказал Кристиан легко. — Это благородно. Хотя, наверное, утомительно. Такие обычно безнадёжны.

— Он не безнадёжен.

— Нет?

— Нет, — сказала Мариэль. — Он умнее, чем половина нашего потока. Вместе со мной.

Кристиан посмотрел на неё с лёгким интересом, как смотрят на ребёнка, сказавшего что-то неожиданно взрослое.

— Это ты так из скромности.

— Нет. Это я так из честности.

Мама с другого конца стола бросила на неё короткий, очень острый взгляд. Мариэль опустила глаза в тарелку.

Кристиан, кажется, ничего не заметил. Он улыбнулся, кивнул и начал рассказывать про свою диссертацию: что-то о финансовых рынках, что-то очень правильное и очень скучное.

Мариэль слушала и кивала, а в голове у неё всё крутилась песня с пятничной остановки, тёплая и чуть грустная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.